

Сергей Гончаров

Входи, смотри...

Поэзия

«Российский писатель»

Москва

2008

ББК 84 (2Рос=Рус) 5
Г 65

Гончаров С..

Г 65 Входи, смотри...: стихи. — М.: Издательский дом «Российский писатель», 2008. — 248 с.

ISBN 978-5-902262-96-1

В стихах Сергея Гончарова в выразительной художественной форме и с предельной искренностью выражены тревоги и надежды того молодого поколения, которое сформировалось на нынешнем переломе эпох, когда вдруг стали рушиться и вековые нравственные традиции, и общественные устои.

Суровым вызовам времени поэт противопоставляет свою веру в светлое предназначение человека.

ISBN 978-5-902262-96-1

© Гончаров Л.И., 2008

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Самим названием книги автор предлагает читателю взглянуть в художественный мир его переживаний, надежд, разочарований, отчаянных попыток пробиться к свету из потёмков окружающей жизни. И если читатель с доверием отнесётся к авторскому приглашению, уверен, он откроет для себя нечто новое, наполнится им и тем самым станет внутренне богаче.

Сергей Гончаров рано ушёл из жизни, но прожил её достойно и полнокровно, ему, если вспомнить строки Владимира Высоцкого, «есть, что спеть, представ перед Всевышним» и «есть, чем оправдаться перед ним». Ощущение шаткости нашего мира и незащищённости перед судьбой отдельной личности вносят в стихи Гончарова ноту пронзительной любви к жизни, какой бы она ни была в каждый данный момент. Поэт как бы переживает каждый день как последний, и хрупкость собственного существования открывает ему глаза на других людей и на всё живое. Поэтому печаль и отчаяние всё-таки не перевешивают авторской благодарности высшим силам за возможность жить на этой земле. Надо помнить, что каждому художнику в широком смысле этого слова отпускаются судьбой определённые испытания, которые необходимо раз за разом преодолевать: вечная неудовлетворённость своим трудом, одиночество, непонимание порой даже со стороны близких людей и многое другое. И Сергей Гончаров готов многое претерпеть, «вот только бы», говоря его же словами, «огонь в душе не гас, и только бы была сама душа». И несмотря ни на что, сердце его голосует «за неизбежность поворота от темноты к началу дня».

Немаловажную роль для автора играет песня. Многие стихи слагались как песни, и сам автор исполнял их на гитаре, и голос его жив донныне для тех, кто заинтересуется его творчеством и захочет ближе познакомиться с характерными для авторской песни интонациями, с музыкальной стороной вошедших в книгу песенных текстов.

Трудные, переломные 90-е годы недавно ушедшего столетия, естественно, нашли отражение в стихах Сергея Гончарова. На фоне огульного отрицания советского прошлого и помпезного превозношения, как впоследствии выяснилось, мафиозной демократии, у автора есть собственный взгляд на происходящее. Пусть не все с ним согласятся, но его позиция достойна уважения, тем более что она базируется на желании сохранить и укрепить русскую культуру и русское самосознание.

В предлагаемой читателю книге вечные темы поэзии переплетаются с авторской реакцией на современность. Поэтому она во многом автобиографична. Когда-то Сергей Есенин обмолвился, что вся его автобиография — в его стихах. Если вы внимательно прочтёте Сергея Гончарова, то многое узнаете о нём самом, о его характере, о его пристрастиях и о времени, в котором он жил. Конечно, всё подано под авторским углом зрения, но это как раз и интересно, как ещё одно свидетельство об эпохе и о себе. Не буду оценивать масштаб отпущенного Сергею Гончарову дара, но что он талантлив — явствует из сделанного им за короткие 35 лет. Отдавая книгу на читательский суд, надеюсь, что время всё расставит на свои места и Сергей Гончаров займет своё законное место в хоре поэтических голосов на стыке двух очень важных для России тысячелетий.

Александр Сорокин,
поэт, член СП России

* * *

Ты веришь в себя, немного в Бога,
Немного в смерть.
Ты хотел жить и, как и все,
Хотел жить не как все.

Из ранних стихотворений

**Входи, смотри: здесь жил я, а сейчас,
Рассматривая мёртвые кварталы,
Я даже рад, что я покинул их.
Но в этом городе остались уголки,
Где жизнь ещё струится меж развалин,
И иногда я прихожу туда,
И никого с собою не беру.
Зачем? Ведь я увижу только то,
Что для других уже не существует.
А имена и даты, адреса,
Мои слова — всего лишь упаковка.
Мы все здесь собиратели, и я,
Конечно, зря открыл вам эту дверь.
Но что ж теперь —
Входи, смотри.
Я жил здесь.**

* * *

*Мне мерили жизнь строчки,
Хоть часто я умолкал.
Хотелось мне жить очень.
Хотелось... И я писал.
Хотелось сказать, чтобы
Звенела души струна.
Пришлось мне вытерпеть много —
Бумага же всё снесла.
И, если не сможет слово
Зажечь чей-нибудь взгляд,
Пусть хоть стихи сами
Чистым огнём сгорят.*

ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО

Катерок наш повернул обратно.
Ночь опять сбежала не спросясь.
Что ты шепчешь вяло и невнятно,
В воду, словно в зеркало, смотришь?

Горизонт налился синевою,
И бренчит раскованно струна.
Не спрошу от скуки: «Что с тобою?» —
Просто наша школа уплыла.

Догорит фонарь на тонкой ножке
И погаснет, солнцу уступив.
Дай нам Бог идти по бездорожью,
Дай нам Бог оставить целым гриф.

Помоги не сбиться на припевы
И забыть усталость долгих дней.
Не всегда же нам кричать: «Ну где вы?»
И искать в толпе чужих людей.

* * *

Ливень отменяется на время.
Ливень — он сегодня не для нас.
Я сойду на станции соседней,
Оборвав прощанье в самый раз.

Говорят, я стал не в меру нудный,
Говорят, что в степь не ту я гну.
Бог с ней, степью, это же не трудно –
По лицу улыбку растяну.

Я хочу смеяться над судьбою,
Я хочу смеяться над собой.
Я хочу зарыться с головою
В набежавший ливень грозовой.

Но опять рассвет забрал своё,
Так пошлём ночные страхи к чёрту.
Наш причал – он, в общем, ничего,
Но ещё ведь есть большие порты.

УРОКИ ИСТОРИИ

Счастье не счастье, а горе не горе нам.
Ждём не дождёмся иной полосы.
Тихо сидим на уроке истории
И поминутно глядим на часы.

Всё непременно и всё перемененно,
Всё совершится в положенный срок.
Ждём перемены, мы ждём перемены.
Надо когда-нибудь кончить урок.

Знания наши нам дорого стоили,
Поочередно мы держим ответ.

Трудно сидеть на уроке истории –
Сорок минут как четыреста лет.

Знаем, что вызовут нас непременно,
Строг наш учитель, как водится, строг.
Ждём перемены, мы ждём перемены,
Только надежда одна на звонок.

Мы глубоко уважаем теории
И отличаем от этой не ту.
Но почему-то уроки истории
Невозмогу нам, ну невозмогу.

Здесь нам положено быть откровенными,
Каждую лекцию знать назубок.
Ждём перемены мы, ждём перемены.
Что ж не звенишь ты, спаситель-звонок?

Зря мы, наверно, с учителем спорили –
Наше грядущее на волоске.
Следует знать: на уроке истории
Нас за провинности ставят к доске.

Классы другие придут нам на смену,
Всё совершится в положенный срок.
Ждём перемены, мы ждём перемены.
Это ещё не последний урок.

* * *

В начале пути дорога как бы прямой.
Ещё не известно кто первый устанет.
Ещё никому не звучал приговор: «Не тянет»,
А впереди видится свет огней.

Рано ещё ждать второго дыхания,
Поздно уже ждать тех, кто стоит.
И из всех напутствий и пожеланий
Помним одно: не жить никогда в кредит.

В путь налегке. Всё своё с собой:
Память, чуть-чуть надежды
На путь. Этой сумеречной страной
В край, где рассвет брезжит.

* * *

Нас ждут этажом выше!
Но, Господи, ты ни при чём.
К Тебе мы не станем ближе,
Если туда пойдём.

Но пойдём мы по шатким ступеням
И в новом доме услышим
Молчанье как откровенье:
«Нас ждут этажом выше!»

Ты никому не должен,
Ты можешь жить, неподвижен,

Но, если ты встанешь всё же,
Нас ждут этажом выше.

И даже на самой крыше
Нас ждут этажом выше.
Пока человек дышит,
Нас ждут этажом выше!

* * *

Я не хочу быть таким, как вы,
И ложка в петлице не поможет мне.
Слышите — с той стороны стены
Кто-то играет на открытом окне.

Что ж, инструмент у каждого свой,
И этот совсем не плох, я знаю.
Я-то играю, тоже играю,
Играю на улице ночной.

Завтра придёт другой и скажет:
«Я не хочу быть таким, как вы».
Жаль. Пока, как видно, не каждый
Слышит музыку с той стороны.

И их ошибка в том, что с детства
Они знают — стороны две,
А стена — надёжное средство
От желающих пройти по той стороне.

Дай мне руку – не сломать стены,
Но мы пройдем, будто бы плена её лишены.

* * *

Уже весна ворвалась в города,
И старый снег неслышно умирает,
А на губах блестит зимы слюда:
«Родная, как тебя мне не хватает».

Сто тысяч раз я фразу повторяю
И вслушаюсь, но ты не станешь ближе,
И только ветру я в лицо смотрю,
И он, как пёс, меня, ласкаясь, лижет.

Ну, не скули, ведь это не всерьёз,
Ведь я же сам придумал это имя,
Ведь я же сам пустил всю жизнь вразнос,
А имя можно заменить другими.

Ведь это ложь, что я по ней грущу,
Всё это было слишком бы красивым.
Я просто потихонечку плачу
Проценты за желанье быть счастливым.

Ведь это ложь, что не хватает мне
Того, что мной уже почти забыто.
И вот весна ворвалась налегке,
И тает снег, и все следы размыты.

* * *

Мне снятся чужие лица любимых
И после лета – сразу зима,
Мне снится, что мы проехали мимо,
И там, где был рай, – сегодня корчма.

Мне снится, что мы не вернулись обратно,
Что мы остаёмся здесь навсегда.
Я вижу на скатерти рыжие пятна
И не верю, что это вода.

Мне снятся у смерти твои повадки,
Мне снятся у смерти твои глаза.
Мы слишком долго играли в прятки,
И я выяснял все «против» и «за».

Мне снится, а может быть, и не снится,
Что небо опять синее к утру.
Вот-вот мы все перейдём границу,
И каждый вспомнит свою игру.

А в утренних снах больше надрыва
И непонятных, ненужных слов,
И плёнку гонят без перерыва. –
Мечусь в постели, спасаясь от снов.

Не надо этой застывшей боли,
Не надо тех, кого не вернуть.

Я знаю: я в этой жизни не волен,
Но проживу её как-нибудь.

* * *

Я приглашаю Вас на бал,
На праздник встречи, в вихрь надежд.
В любой тоске пробьётся брешь,
И мир опять, как прежде, – свеж.

Довольно славы королям
И боли тем, кто проиграл.
Я рад Вам всем, я долго ждал.
Я приглашаю Вас на бал.

Я приглашаю Вас на бал,
Пусть нынче ночь темным-темна.
Огня сюда, ещё огня,
Сегодня будет не до сна!

Что нам времён круговорот,
Что там за день, что там за год,
Когда годам давным-давно
Мы потеряли счёт.

И расставались лишь вчера,
А разошлись мы на века,
И часто компасом в пути
Служили флюгера.

ПОД ВИВАЛЬДИ

На самых верхних нотах
Свихнувшийся маэстро
Наигрывает что-то,
Что лишь ему известно.

Всё выше, выше, выше
Куда-то рвётся скрипка,
И нет на время лишних,
И даже цепи зыбки.

И слишком хрупко счастье,
И горе безразлично,
Душевное ненастье
Застигнуто с поличным.

И стройными рядами
Вступают эскадроны
В заполненный словами
Мой город осаждённый.

Спасенья больше нету
И ни к чему спасенье,
И песни все пропеты,
И счастье – в пораженье.

Оно почти возможно,
Оно почти что рядом...

Не ври же так безбожно.
Не надо бы, не надо.

* * *

Пыль на дороге взметут
Первые капли дождя,
Воздух застывший прорвут,
Лишние смоют слова.

И уплывёт в ручьях
Памяти прошлой боль,
И на своих постах
Кто-то услышит отбой.

Кто-нибудь вдруг проснётся,
Шум услышав воды,
И что-то в нём встрепенётся
Словно из немоты.

Буря сорвёт покров
Даже с ушедших дней.
Станет опять нов
Гул городских аллей

Буря! И ярче миг.
Ливень в лицо бьёт.
Сколько ж воды вскипит,
Прежде чем дождь пройдёт!

* * *

А знаешь, я всё-таки верю,
Мы станем смелей и светлей
И коль не замкнёмся на наших потерях,
То не растеряем друзей,
То не растеряем друзей.

В огромном, приевшемся мире
Сумеет себя не узнать,
И сбросив усталости тяжкие гири,
Из собственных тюрем сбежать,
Из собственных тюрем сбежать.

И выйдя на свет, и зажмурясь от солнца,
Которое будет светить,
Не в силу привычки, но вдруг улыбнёмся.
О чём же тут говорить,
О чём ещё тут говорить?

* * *

Мороз, река и жёлтые огни.
И свет из приоткрытых окон,
И город в полудрёме до зари,
И ветер развеивает снежный локон.

А в небе плещется звезда.
Не страшен ей врывающийся холод,
Сжимающий негаданно сердца,
И жажда жизни, и душевный голод.

Молчание... Не слышен лязг цепей.
Идут минуты краткого затишья.
Я наконец один, а не в толпе,
И есть возможность заглянуть чуть выше.

* * *

И снова совесть в меньшинстве.
Молчала искренность тоскливо,
И возмущения я ждал,
Как повторенья рецидива.

Пустяк, но жизнь из пустяков
Бывает тоже очень разной,
А здесь я задыхаюсь вновь.
Я надыхался чем-то очень грязным.

* * *

Пусть думает каждый,
Что мир для него,
И что для него пылает заря,
Но мир — он для всех
И для никого.
Добра в нём чуть-чуть,
Только больше, чем зла.
Пусть тебе опять повезёт,
Но прошу тебя, не забудь:
И удача, может, уйдёт
И оставит полностью муть.

А тот, кто играл для всех и под всех,
Остался однажды совсем одинок.
И даже в тиши гремел его смех,
И мысль лишь одна: скорей бы умолк.

ГЛОТАЯ ТЕЛЕГРАММУ

Гнилая погода, рассвет запоздал,
И падают капли упрямо.
Лежит за окном потускневший квартал,
А в правой руке телеграмма.

Как буквы бегут и срываются вниз,
И падают на пол бесшумно,
Так вдруг все надежды мои порвались,
Что всё ещё жили бездумно.

Плевать на погоду, уже безнадёжно
Рассвет опоздал, и теперь
В окне только ночь, и она осторожно
Меня поглощает, как зверь.

А буквы замрут, не имея значенья —
Лишь тени ползут по стене.
Не помню надежд, помню только мученье,
И голос твой слышится мне.

* * *

Прости, не хочу уходить,
Прости, не могу не остаться.

Лучше всего рассмеяться,
Но я разучился шутить.

Привычка всё делать всерьёз
Становится карой господней,
И вряд ли мы станем свободней,
Ответив на новый вопрос.

В нём что-то от старого есть,
Но тот был немного наивней.
Мне снятся хрустальные ливни,
Которые были не здесь.

А я вот и капли не смог
Тебе донести оттуда,
И ты не поверила в чудо,
Поверивши в силу дорог.

И я говорю не с тобой,
Но всё для тебя, ты же знаешь,
И чувствую я, как ты таешь,
Своей проходя тропой.

Но если мне скажут В. Н.,
Пусть скажут, зачем мне всё это.
Я так не люблю приметы
И режу в натяг ленту.

Я в новую боль вхожу,
Чтобы к старой скорей вернуться,
И я не боюсь согнуться,
Вспахивая межу.

Но если сеешь слова,
Не стоит ставить на всходы.
Зависит всё от погоды
И лишь чуть-чуть от меня.

МОЙ МИР

Темнеет. Слабое солнце
Западает за крыши домов.
Это значит, что мне пора,
Это значит, что я не готов.

Не готов к темноте и снегу,
Бьющему мне в лицо.
Я окунулся в него с разбега,
Позабыв половину слов.

Мой мир – там, где сегодня зима.
Мой мир – там, где нет тебя.
Мой мир – там, где всё промёрзло до дна
И кругом маета.

Мой мир, где хоть вешайся, если слаб,
Где тому, кто сильнее – конец,

Его лечит давно больной эскулап —
Специалист по пересадке сердец.

Мой мир, мой мир...
Я так не хочу уходить,
Но если я останусь в тепле,
Кто же будет в нём жить?
Кто же сможет его оживить?

* * *

Достану из шкапа лоскут потускневший
И флагом его назову.
Потом откопаю листок пожелтевший
И старую песню спою.

Под старые марши шагается славно —
И значит, полный вперёд,
С собой говорю я, как равный с равным,
О чём — пусть никто не поймёт.

Но старая гвардия снова в походе,
И бьёт барабан подъём.
И это не ретро нынче в моде,
А просто — ещё живём.

Живём — и вновь наши флаги над миром,
Который опять у ног,
И от порога моей квартиры
Снова не счесть дорог.

* * *

Ты снова поёшь под гитару —
И как не было призрачных дней,
Всех бывших годов старых
И нового в бликах огней.

Друзья уходили тихо.
С одними мы ждали встреч,
Других потеряли в вихре,
Время и память забыв сберечь.

И вот я давно с тобою
И, кажется, навсегда,
И то, что казалось стеною,
В пыль стирают года.

И призрачные основы
Спадают, когда не ждём,
И вот мы свободны снова,
И нового счастья ждём.

И, главное, перемены
Не зависят от нас,
И очень обыкновенны,
И снова не режут глаз.

Всё уже и жёстче стенки,
Безрадостней коридор,

И твердеет беззастенчиво
Времени раствор.

Всё больше заборов растёт.
Не в силах о них забыть,
Идём мы в обход
Или доски крушить.

А оказавшись вдруг
Случайно на чистом месте,
Стараемся скрыть испуг,
Не зная, куда же деться.

* * *

За серую шинелью
Кирпичные сердца,
Бетонные панели,
Чужие голоса.

И жернова столетий
Прокручивают нас,
И всё труднее встретить
Огонь знакомых глаз.

Всё меньше планов выйти
За рамки личных дел,
И чётче, чётче виден
Поставленный предел.

А где-то за границей
Земель и округов
Летают чудо-птицы
Без гнёзд и без врагов.

И всех приводит в ужас
Сквозной размах крыла,
А нам для наших дружеств
Вселенная мала.

И нас, оторопевших,
Из дома тянет в даль,
Туда, где дней прошедших
И будущих не жаль.

* * *

Да, конечно же, жизнь продолжается.
Среди мёртвых живые встают,
И рассветом восток начинается,
И рассвет этот многие ждут.

Вновь светлее и радостней дышится,
Если нету похмелья в груди,
А ошибки на прошлое спишутся,
Если не повторишь в пути.

И похмелья пройдёт наваждение,
Мы отмоем приставшую грязь,

И друг другу в часы откровения
Мы посмотрим в глаза не боясь.

Не сравню я и ночь с поражением,
Её близость и звёздная дань
Нам нужны как общение с гением,
Мрачноватым, но ласковым к нам.

Только вот забываем мы, кажется,
Не вписавшихся в новые дни.
Всё меняется, мир не кончается,
А они остаются одни.

Пусть всегда успеваает заря —
Ничего не бывает зря!

* * *

Приговор готов — подписать и в дело.
Первые буквы пальцы выдавят,
А дальше — росчерк последний смело,
В зале движенье это выловят.

Подхватят, подбросят аплодисментами,
Рванув тишину ожидания.
Цветы прокурору, улыбки клиентам —
Грешит правосудием старое здание.

А я кодекс листать не устану,
Пока не отнимут надежды остаток.

Скамья подсудимых как пьедестал,
Только век монументов краток.

А я, вспомнив, рванусь с досады,
Заставив сжаться конвой хмурый:
«Не та статья! Другую надо!
Я не карманник, сорящий купюрами.

Я растратил святое самое,
А вы — вымогательство мелкое.
Поздно, в сердце обиды канули,
А вы — с совестью сделка.

Согласен ответить по самой строгости
И даже не спрашивать: “Кто судья?”
Но сорву обвинения в подлости,
Как афишу о том, что не буду виновен я».

МАРШ БЕЗРАЗЛИЧНЫХ

Всё пройдёт чуть раньше или позже.
Ну а если всё же не пройдёт,
Ну и чёрт с ним, выпустите вожжи —
Вот и вас куда-то привезёт.

Ведь у нас у всех одна дорога,
Только остановок разных тьма.
Так чего же рыпаться помногу?
Нам нужна не больше чем одна.

Всё старо и нового здесь нету,
Ну а если для кого-то есть?
Ну и чёрт с ним, я куда-то еду
И ему советую не лезть.

Ведь у нас у всех одна дорога,
Только остановок разных тьма.
Так чего же рыпаться помногу?
Нам нужна не больше чем одна.

Будут километры лёгким пухом,
Ну а если что-нибудь не так —
Ну и чёрт с ним, не веду я ухом.
Всё пройдёт: и отпуск, и аншлаг.

* * *

Ты верил, а во что, нам не важно было,
Потому что верил в конечном счёте в себя,
Потому что первым делом — в любимых
И в то, что среди людей есть друзья.

И ты, как и все, уставал и, как все, ошибался,
Но боль свою тратил на песни всю до конца.
И я с тобой иногда на дорогах встречался.
И жаль, что редко ты — это был сам я.

* * *

Снова ночь. Проходит всё:
Дрожь в руках, бесцельность дней.

Я спокоен, никого
Не просить мне: «Пожалей».

Сладострастие страниц
Долговечней, чем любви,
А узор больших ресниц
Не поможет, не проси.

Не зови, не жди, не плачь.
Хоть холодный шёпот мглы
Не решит твоих задач,
Пусть пошлёт хотя бы сны.

А какой-нибудь чужак,
Прочитавший лишь слова,
Пусть поймёт меня не так —
Нас рассудит темнота.

* * *

Месяц в небе замочной скважиной,
Нет никого за дверью,
Чётко идёт механизм отлаженный,
Ну а мы всё не верим.

А мы говорим: «А вдруг?»
Расплывчатое: «Быть может».
Лелеем тепло рук —
Будто это поможет.

Месяц горит ворованным
Или подаренным светом.
Что шуметь, чудака? Не корову же —
Жизнь проиграли эту.

Всё-таки жаль, что за дверью пусто —
Значит, не отыгратья.
Значит, осваивать нам искусство —
Без толку по жизни слоняться.

* * *

*Не оставляй свою вахту бессменную,
Бог тебе в помощь, лети...*

Медленно, медленно, по нарастающей
Капли стучат и стучат.
Дождик врачующий, дождик прощающий
Льёт, а часы постоят.

Вот уже годы стали минутами,
Стали годами века,
Лишь незнакомец, в плащик укутанный,
Гонит свои облака.

Как мы привыкли искать постоянно,
Силиться что-то понять,
Мерить дорогами все расстояния
И на прощанье молчать.

Чтобы когда-нибудь воды небесные
Вымыли из глубины
Все сожаления бесполезные,
Отзвук любви и вины.

Эй, человечек, летящий на облаке
Из никуда в никуда,
Все твои горести пущены по боку,
Вот их уносит вода.

* * *

На запасных путях стоит вагон,
А проводник на две минуты отлучился.
С тех пор он как сквозь землю провалился —
И бурелом, и глушь со всех сторон.

А мы всё ждём, что рельсы зазвонят,
Гудок протяжный растревожит душу,
А стук колёс часами можно слушать —
Бетховена он слаще во сто крат.

И мы поедem, даже полетим,
Но вот я возвращаюся на землю,
Сижy и утешениям не внемлю —
Ведь мы уже который день сидим.

И нам осталось только вспоминать
Пору прекрасную: как время не жалели

И жили, как жилось, что пелось нам — то пели,
А соберёмся — будем петь опять.

* * *

Живые! Что можете вы мне сказать?
Я здесь, я внимаю и жду, и молчу..
Живые! Вы многое можете знать.
Я верю, но вряд ли ответ получу.

Вы учите, лжёте, в игру вовлекаете,
Внушаете, бьёте, советы даёте
И даже, хоть редко, другим помогаете,
И тоже чего-то всё ждёте и ждёте.

А я не нуждаюсь в замызганной милости,
И ваши уроки вам так не к лицу,
И ложь не святую мне вашу не вынести,
Но и святая мне ни к чему.

Помолчите, прошу вас, люди.
И вы станете чуть мудрей,
И насмешек пустых не будет,
И советов, ненужных мне.

* * *

Тебе не о чем больше петь,
Тебе не с кем больше спать.
Ты так бы хотел поверить,
Что тебе на всё наплевать.

Тебя не запишут в святые
И не зачислят в герои —
Ты не проходишь в первое
И не хочешь сам во второе.

Но все мясорубки мира
Ждут нашей любви,
И кто-то всё время шепчет —
Порви эту нить, порви.

Мне нечем тебе помочь.
Мы слишком похожи с тобой,
Но не спеши уходить,
Мне нужен кто-то живой.

* * *

Откровения стали почти как порнуха продажны,
И мы просим взамен прощения ли, облегченья?
И стихи неприятны для слуха,
но всё—таки каждый,
Если начал писать, то уж пишет до изнеможенья.

Погоди, не спеши, эта правда отравлена ложью,
И за каждое слово придётся тройне заплатить.
Подожди, не спеши. Ты решил,
что стоишь у подножья,
А стоишь у обрыва и, к счастью, забыл, как ходить.

Я отдал бы тебя без борьбы,
Если только решился бы сразу.

Но по старой привычке платить
Я последнюю медь выгребаю
И по скверной привычке любить
Обо всём остальном забываю.

* * *

Старая, заброшенная гавань,
Скинь покров столетий и времён,
Вспомни, как открыл тебя когда-то
Твой Колумб и твой Наполеон.

Не смотри глазницами пустыми,
Оживи хотя бы на часок.
Те же ведь приливы и отливы
Снова омывают твой песок.

Те же ведь закаты и восходы
Солнца торопливого спешат.
Омывают волны небосводы,
Волны закипают и горят.

Дует ветер с моря настоящий —
Городам такого не видать.
Этот ветер, даже через годы,
Люди продолжают вспоминать.

* * *

Нет, эпитафий не поют —
Их высекают на граните.
Хотите вы иль не хотите,
Они, как якорь, упадут.
И брызнет мрамор мёртвой пеной,
Стоянку выбрав кораблю,
И бесшабашные сирены
В его тени найдут приют.

Не надо с поздним вдохновеньем
Вплетать в венки любовь свою,
Так что уж лучше помолчите —
Ведь мёртвые, они, простите,
Порывов ваших не поймут.
Им не понятно, где вы были,
Когда сражались они.
Коль вы богов одних любили,
Так где ж вы были, чёрт возьми!

Давай-ка, брат, споём о жизни.
Погибшим наплевать на тризны,
Так пусть же в песнях поживут...

* * *

Когда потоки ливней грозových
Врываются в распахнутые улицы,
Заставив чертыхаться постовых,
Природа улыбается и жмурится.

Смеётся разбежавшимся громам,
И весело проходим вслед бежит,
И, через форточки заглядывая к нам,
О чём-то с эхом спорит и шумит.

А первый шквал, по небу прогремя,
Сорвав с земли перестоявший зной,
Заглянет в парк, деревьями шумя,
И разольётся нежно над рекой.

Потом ко мне зайдёт и мне вернёт
И свежесть чувств, и буйство ранних дней,
Хотя коль заглянуть чуть-чуть вперёд,
То снова духота в судьбе моей.

* * *

А в Москве незаметное лето.
Ветер снегом одел округу,
И дома в пелену одеты,
И почти не видать друг друга.

Заставляет забыть нас лето
О грядущих и прошлых зимах
И о том, что, наверно, где-то
Мы теряем своих любимых.

Лето память у нас отняло,
И в жару не могу я вспомнить,

Что чего-то на свете мало.
Вот дела, незадача вот ведь!

Я пою о давно прожитом,
Пережитом, неотболевшем,
А в Сокольниках, позабытым,
Доживает последний леший.

На проспекте толпа народа —
Бесконечная эта гидра.
На часах — середина года,
А в сердцах — деловая палитра.

Я иду по дворам старым,
Тополями кивает небо,
И звенит в голове гитара.
Я мечтаю: «Сейчас мне бы...
Колосками спелого хлеба
Разорвать золотые кольца
И махнуть в далёкие дали,
Или, чтобы меня с тобою
Эти улицы повстречали».

* * *

Бывает так, что в небе гаснут звёзды,
Бывает, что сгорают имена.
Стирает время все метаморфозы,
И ночь иные сеет семена.

Рвёт ветер новый старые газеты,
И улицы меняют имена.
Звучат в редукторах опальные поэты,
А новые уходят в никуда.

Сжимает нашу душу безотрадно,
Берёт за горло тёмная игра:
Вдруг ветер старый повернёт обратно
И не подуют свежие ветра?

Рвёт ветер старый новые газеты,
И улицы меняют имена.
Звучат в редукторах опальные поэты,
А старые уходят в никуда.

* * *

В который раз огонь погас,
И пепелище не дымит,
А кто здесь был, того уж нет,
И след его давно забыт.

А за опушкой бурелом,
Поляна лесом заросла.
Под морозящим злым дождём
Стоит замёрзшая Весна.

Здесь воздух сыростью залит,
И спички гаснут — зря их жжём,

Но горн с отбоем не спешит,
И мы всё ждём, чего-то ждём.

Вдруг кто-то крикнул: «Расступись!»
И прямо в чашу сделал шаг.
Никто не стал держать его —
Он по натуре был чудак.

И мы забыли про него
Или старались позабыть,
Хотя тянуло иногда
О нём опять заговорить.

А он пришёл, когда рассвет
Задел макушки у берёз,
И он кричал, что видел свет
И что ответил на вопрос.

Но слишком долго ждали мы
И не поверили тому,
И рот заткнули, чтоб никто
Не позавидовал ему.

* * *

Пускай пусты карманы
И обувь просит есть,
Зато нам в тихой гавани
Веки не осесть.

Гоняет нас по свету
То голод, то война,
И где-нибудь, наверное,
Нас стережёт петля.

Романтику придумали
Безусые щенки.
А жизнь — она подправит
Влюблённые мозги.
Но только почему-то
Мы снова на ногах,
Ещё одно пристанище
Покинув второпях.

Земля везде землёю,
Господь везде Господь —
Аллах, Иисус и Будда,
Но больше правит плоть.
И люди тоже люди,
Порой страшней зверья.
Пускай Господь осудит —
Поддержит сатана.

А если Бог ваш добр,
Пусть лучше нам пошлёт
Не проповедь, не слово,
Не рассуждений плод,
А доброго попутчика

В грозу, в жару и в снег,
И незаметным будет
Годов бурлящий бег.

И мы из многих заповедей
Выберем одну,
Она нам помогает
Держаться на плаву:
«Терять — так лучше разом,
Иметь — так лучше всё.
Греби на середину,
Коль к берегу несёт».

* * *

Четвёртые сутки пылают станицы,
А вы всё глядите на водную гладь.
Чего же вы ждёте, поручик Голицын?
Недолго в России рассветы встречать.

Вставайте, поручик, пожар над страной,
И этот огонь разведён ради нас,
И гонит вас к морю и крымскому зною.
Вставайте, поручик, последний приказ.

Ваш сын подрастёт
без уютных московских бульваров,
И будет коверкать безжалостно русскую речь,
Клясти за столом неизвестных ему комиссаров,
Не зная, где ночью ему посчастливится лечь.

Здесь два человека в одном обессиленном теле.
Один до причалов погонит, пришпорив коня,
Другой остаётся у речки с играющей мелью,
Чтоб больше отсюда уже не уйти никуда.

Куда вам бежать? Всё у нас за спиною,
А там впереди (пьяный тенор с охотою врёт)
Война, та, что будет для мира Второй мировой,
И смерть на холодной чужбине во время неё.

ДОРОГА С МОРЯ

Остановки короче и реже —
Путь домой.
Впереди надежда забрезжила —
Что с тобой?
Неужели, правда, ты веришь
В первый шаг
И его несбыточным меришь...
Что ж ты так?

И зачем тебе возвращаться —
Чтоб опять задышаться
И в себе сомневаться,
И к мечте снова рваться?
Но колёса стучат упрямо.
Их действительно где-то ждут,
И последние телеграммы
Безнадёжнейше отстают.

Поначалу мне интересно
Среди стен и тех же людей,
И я буду искать на Пресне
Отголоски мирских вестей.
А потом я однажды вспомню,
Как бывал я там одинок.
Миф развеется, всё перемелется,
Утечёт сквозь пальцы песок.

И в гигантском жестоком блеске
Я опять позабуду простор,
И спою свои старые песни,
И продолжу с тобой разговор.
Мы друг с другом согласны, мы судьи
Не по должности — по призванию,
И судить с наслаждением будем
Мы по совести и по желанию.

СТАРАЯ КИНОПЛЁНКА

Всё смазано, какой-то тусклый свет,
И чьи-то лица прячутся впотьмах.
Кого-то просто нет — и весь ответ,
А остальные — в дальних городах.

Гитара позабытая звенит
От времени немного с хрипотцой,
И память — запинаящийся гид —
Заспорила опять сама с собой.

Не вечно отступать, теряя след,
И не всегда о главном забывать,
И не всегда слова — ненужный бред,
Ещё не разучились мы прощать.

Пусть же по стране разносит нас,
Пусть иногда нас режут без ножа,
Вот только бы в душе огонь не гас,
И только бы была сама душа.

* * *

Снова дождь. Уберите всех!
Пусть будет только вода
Из тысяч земных утех.
Дайте небо без дна.
Оставьте шум поездов
И вокзальных гвалт площадей,
А остальное без слов.
О чём говорить? — Нет идей.
Мне сказали: «Выхода нет»
И добавили: «Для тебя»,
Но соберу букет
Из надежд минувшего дня
И разведу огонь
Из страниц, пылящихся зря.

* * *

Зачем я собираю эти камни
И вслушиваюсь в эти голоса?

Ведь кто-то говорит наверняка мне:
Они уже не против и не за.

Они — осколки отболевших судеб,
Тех, что уж мною прожиты давно,
В них никого и ничего не будет,
В них безнадёжно глухо и темно.

* * *

Я встретил Вас с четвёртого захода,
Преодолев преграды бытия.
Я встретил Вас на истечение года
С благословения немого Ильича.

Вот мой пароль: «Привет от Теккеря».
Вот отзыв: «Опоздал на полчаса».
Под взглядом пламенеющим немея,
Я жду — сотрёт с лица земли гроза.

Но я прощён. Прощён, как и предвидел,
Нет девы милосердной на земле.
Я возвещу об этом миру сидя,
И стоя, лёжа, и вися в петле.

* * *

Не здесь и не сейчас.
Нигде и никогда
Не будет нужных слов
И спасов на любви.

Уже не в первый раз
Сгорают города
И плодородья ждут
От стоптанной земли.

Не здесь и не сейчас,
Нигде и никогда.
Ничем и никому
Нельзя заполнить свет.
Никак и ни за что,
Наверно, не для нас,
И знать, не для меня,
Запеленают свет
В льняное полотно.

Не здесь и не сейчас,
Но всё же будет «вдруг»,
Не поступью огня,
Не опытом потрав,
А шелестеньем трав,
Проросших для тебя,
И силой, рвущей круг,
Не здесь и не сейчас.

* * *

Мы рвёмся всё к масштабам межпланетным,
Чтоб выйти и идти куда-то вдаль.
Туда, где райский сад плодов запретных
Ветвями шелестит, гоня печаль.

Послушай, за воздушной оболочкой
Там неуютно, пусто и темно.
На этом можно бы поставить точку,
Но кто-то в бездну рвётся всё равно.

А мне вот жалко, если рая нету.
Пусть будет ад, но токмо рай чтоб был,
И чтоб его огонь у жителей планеты
Никто и никогда не погасил.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Мы не видали Южного Креста,
Мы никогда не верили в Христа,
А верили, что нам так много лет,
И в этом признавались тет-а-тет.

Всё было настолько явно,
Что даже немного страшно,
И просто необходимо,
Чтоб что-нибудь было сверх.

А Южный Крест недоступен,
И замысел наш преступен,
Но входит неотвратимо
В резонанс нерв.

Пусть Южный Крест всего лишь горстка звёзд,
Но вознесён от нас Иисус Христос.

И опустело место на кресте,
И он теперь нам светит в темноте,
Затерянный в межзвёздной высоте.

СОН В КАЩЕНКО

«В нашей хате, братцы,
Бутербродов тыщи,
Бутербродов тыщи,
Кушай сколько хошь.

Только над странною
Буйный ветер свищет.
Дунет – где же масло?
Дунет – где же рожь?

Как-то раз станицей
Праздновали что-то.
Что – теперь не вспомнишь,
Да не всё ль равно?

Налетел тот ветер,
И нагнал заботы:
Вымел всю закуску,
Выпил всё вино.

Всё унес, что было,
Да принёс записку:
Мол, нужды государства
Нужно уважать.

Ваши бутерброды
Мол, теперь не близко,
Их теперь в Москве другие
Будут потреблять.

Казачи, народ-то
Ой, лихой, горячий,
Сиганули в сёдла,
Были таковы.

Скачут вслед за ветром,
Скачут, видят – дача,
А на ней табличка:
“Белые столбы”.

И выходит кто-то
Весь в стерильно-белом,
Спрашивает: “Братцы,
Путь держите куда?”

Есть для вас, ребята,
Чистые палаты,
Отдохнуть, ребята,
Вам давно пора”.

Я с коня слезаю,
Говорю: “Заморыш,
Мол, не вышел ростом
Казачков побить”.

А он мне отвечает:
“Что за разговоры?” –
Вышли санитары,
Давай меня крутить».

Только сны теперь мне
И приносят радость,
Да и те частенько
Стали мухлевать.

Снится невозможная,
Я скажу вам, гадость:
Уронил я бутерброд
Маслом вниз опять.

А на окне решётки,
Сёстры – злые тётки,
Все кровати на болтах,
И санитары на постах.

* * *

Что один, что другой,
Что одна, что другая,
Пусть и рядом с тобой,
Но какой же я твой?
Этот день промелькнёт,
Я тебя не узнаю,
Ты мой сумрачный мир
Обойдёшь стороной.

Вот и сказке конец,
И начало похмелья,
Не ищи меня там,
Где давно меня нет.
Ты же знаешь: тепло
На помятой постели
Никого не спасло
От всесилия лет.

* * *

Вот живёшь ты ушами к стенке,
Твоя стойка – глаза в экран.
Ты готовишься слизывать пенки,
Что же – это хороший план.

Нет, я не судья тем, кто ждёт.
Я попал в тот же самый плен.
Нам отменили приказ «вперёд»
И ничего не дали взамен.

Но в эфире носится что-то,
Что мешает тебе уснуть,
Отложив все свои заботы,
Ты услышишь когда-нибудь.

Нет, я не судья тем, кто ждёт.
Я попал в тот же самый плен.
Нам отменили приказ «вперёд»
И ничего не дали взамен.

Я встаю, выжат и прожит,
Меня поздно уже спасать,
Но в потоке отравленных ложью
Буду я неугоден опять...

* * *

По пути простоты и молчанья,
По законам знания без слов,
Слыша музыку без звучанья,
Видя лики древних богов,
Двигаюсь не разбирая дороги,
И не спрашивая куда,
И не думая об итоге –
Неожиданном, как всегда.

* * *

Я хочу быть не громче дождя,
Яркость слов режет сегодня слух,
Я не хочу чего нельзя,
Я ничего не хочу.
И нарушает покой
Лишь ускользящий звук,
Грязный, глухой,
Из-под дрожащих рук.

Мы знаем много красивых слов,
Но не умеем петь,
Мы боимся слова «любовь»
Больше, чем слова «смерть».

И каждый третий верит, что прав,
Не зная в точности в чём,
Но даже если это не так,
То это здесь ни при чём.

* * *

Среди споров не о предмете спора
Мы замечаем до обидного скоро,
Что спорить-то смысла нет,
А соглашаться глупо,
И далёкий свет может быть светом труп.
Но мы всё равно спорим,
А я пою, хотя, не пойму до сих пор к кому
Обращаюсь, но мы всё равно спорим,
А я пою, хотя не пойму до сих пор кому..

Если ночью не спится, не спасают границы,
И в бесконечных днях
Ничего не может случиться.
Кажется, круг замкнулся.
Страшно – никто не услышит,
А голос охрип, споткнулся
И звучит всё тише.
Это мы продолжаем спорить,
А я пою, хотя не понял до сих пор кому..

Куда ты смотришь? Вот глаза мои.
Посмотри. Думал ли ты,
Что такими бывают они?

Не надо слов,
Вот обломки основ,
Вот корпус часов пустой, без голосов.
Все вокруг замолчали,
И я в тишине пою,
Обращаясь к себе самому.

* * *

Здесь правильность невидимых рядов,
Незыблемость кругов благоденья,
И каждый атом именно таков,
Что вписан до микрона в мирозданье.

Предельность соответствия сюжету,
Гармония, комфорт галиматьи,
И даже ненормальным спасу нету,
И даже психам правила даны.

Да здравствуют классические типы!
Да здравствует разгневанная суть!
Так хочется...

* * *

Коридоры и лестницы, коридоры и лестницы.
Не хочешь по лестнице — вниз из окна.
Только странное дело, и тут хоть тресните:
Коридоров-то множество — дорожка одна.
А дорожка по комнатам проходным,

Пару фраз то с одним, то с другим.
И у каждого на антресоли
Что-то прячется в антимоли.

* * *

Когда открылась пивная,
Все устремились на штурм,
Но пулемёты стояли
Ещё со вчерашнего дня.

В результате: пятеро раненых,
Один утонул.
Зато остальные выпили
Всё, что было, до дна.

С ними случилось виденье:
С дырявой кошёлкой в руке
В пивную вошла женщина
И спросила: «Где же мой сын?»

Тогда какой-то рябой,
Он был не совсем в себе,
Сказал: «Мы уже распяли его —
Посмотри на часы».

А на часах было время
Бескорыстной любви.
Мы все любили друг друга,
Каждый любил, как мог.

Когда мы устали любить,
Мы разошлись по домам.

* * *

Нет, мне уже не спеть,
Как пел я в эту ночь.
И всё, что я имел,
Растратил до копейки.
Мне душу как-нибудь
В сторонку б «отволочь»,
И можно в переход
В потёртой тубетейке.

И каждый мне подаст
Того, чего не жаль:
Вчерашнюю любовь,
Вчерашние цветы,
Вчерашние слова,
Вчерашнюю печаль,
А кто-то
И вчерашние мечты.

И я уже богат,
Как нищий идиот,
В удачливый денёк
Сорвавший миллион.
Да, я уже богат,
И это не пройдёт.

И я уже почти что счастлив,
Как и он.

Но мимо ты пройдёшь
И снова заберёшь
Всё то, что я скопил,
С улыбкой на глазах.
Ты что-то скажешь мне —
И это будет ложь,
Что с правдою давно
Сравнялась здесь в правах.

* * *

Нам скучен рай, нам страшен ад.
Раскрашенные сны
Вперёд летят и не хотят
Покорно ждать весны,
Чтоб там уже с ума сводить
Законно, не спеша,
И вверх по лесенке входить
В дом, где живёт душа.
Живёт, не зная для чего,
Не ведая, зачем...

* * *

Те, кто ничего не имея,
Но хотели получить своё,
Давно, наверно, сумели
Выйти на полотно

Дороги, никуда не ведущей,
Но очень нужной для нас,
Иллюзию создающей,
Что всё идет в самый раз.
А те, кто хоть что-то знали,
Ищут обрывки фраз,
Но отыщут едва ли
Ту, что мыслью звалась.

Те, кто ничего своего не имели,
Но хотели получить своё,
Давно, наверно, уже у цели,
А ты ещё не понял, что
Ничего не иметь — значит, можно
Искать опять:
Ничего не имея, нельзя ничего потерять.

* * *

По мне дешёвая и быстрая любовь
Без размышлений долгих и сомнений.
Законам жанра лишь не прекословь,
И всё сполна отпустит мудрый гений.

Амур случайных встреч,
Он должен бить наверняка,
Он промаха не знает.
Вот двое рядом —
Он стрелу вонзает.
Приятна рана и неглубока.

Всё то, что дёшево — надёжней и верней.
Я не слыхал о пятаках поддельных.
Как часто о романах двухнедельных
Мы вспоминаем много сотен дней!

Приятны были встречи, и финал
Из колеи не слишком выбивал,
Другие ж трепетали и страдали.
Вот и теперь, я думаю, едва ли
Без содроганья вспомнят этот мрак,
Когда всё время что-нибудь не так.

Всё время нужно подтверждать,
Подогревать свои воспоминанья.
К тому же тяжко при таком старанье
Обязанность любовную справлять.

Быть может, я тебя не убедил,
Ну что же, я не очень и стремился.
Дерзай, вкушай, пока не подавился,
Лети, покуда крылья не спалил.

* * *

Самоуверенность ошибки
И фальшь красивого словца,
Перегоревшие улыбки
Сойдут со временем с лица.

Забудем старые обиды,
Успеем новые нажить.
Дай Бог, с судьбою будем квиты,
А нет – придётся повторить.

Всё, что прошло уже когда-то –
Поблекло быстро; на глазах
Забыты слёзы – виновато
Мы вспоминаем впопыхах,

Но до конца найти не можем
В осколках памяти своей,
Что было нам всего дороже
И где теряли мы друзей.

* * *

Первое дыхание весны.
Солнце, проглянувшее едва,
И ещё морозы впереди,
И с похмелья стонет голова.

Корка льда на сердце всё лежит.
То чуть-чуть подтает, то сожмёт,
И о чём-то город говорит,
Кто ж его зимою разберёт.

Но ненужным кажется мороз,
И незримым оттепель полна.

Вновь звучит потрёпанный вопрос:
«Неужели правда есть весна?»

* * *

Совковый герой перестроечных пьес
Призывает меня двигать прогресс.
Он появляется ночью, когда я слаб,
Он входит в дверь боком, как краб,
И сразу требует микрофон,
Когда я прошу его выйти вон.
Он уверен, он законен,
Он знает: таких, как он, легион.

Он знает перечень людных мест,
Он втайне хранит Георгиев крест.
Чем больше крови –
Тем больше побед.
Он просит меня предъявить билет
На право спать в этой постели,
Пока герои берут цитадели.

– А ты записался в друзья народа?
– У тебя есть недостаток свободы?
Нет, я враг, я сторонник реакционеров.
Я вызываю милиционеров.
Прощай же, свобода, борец арестован.
Я тихо молюсь на портрет Лигачёва
И советую всем «борцам свободы»:

Замолчать, не видеть, не слышать, газет не читать,
Уткнуться в подушку и мирно уснуть.
И верую в этот единственный путь.

* * *

Я не знаю тебя в лицо.
Был ли ты рядом со мной?
Но мы собираемся вместе,
И я обретаю покой.

Я знаю, всё было так же,
Все вновь на своих местах:
Солнце на горизонте
И ангелы на постах.

Я узнаю эти стены —
Альма-матер любви.
В сообщающихся сосудах
Перетекают сны.

Я вспоминаю такое,
Что, казалось, забыл навсегда:
Какое счастье вернуться
И увидеть себя!

Изначальное море
Возвращает огни,
Мир становится проще,
Легче наши шаги.

Вряд ли за новой дверью
Нас что-то новое ждёт,
Но мы собираемся вместе
Начать новый отсчёт.

* * *

Я двигаюсь медленно, рассекая
Вязкие мысли свободой сна.
И чувствую: их пелена тает,
И я решаюсь узнать: «Весна».

В этой весне талый снег тонок,
Но где-то здесь сохранилась ты,
Как шёпот весталок, как пожаров шорох,
В которых сгорают зимние сны.

В небо пластами уходят они.
Сон, как дым, — его не вернуть,
Но небо не бездонней, чем мы.
Мы дышим в полную грудь.

Из беспамятства, бессезонья,
Где дождь, как снег, где туман, как дождь,
Где предчувствие всегда вне закона,
Где истина — изошрённая ложь.

* * *

Машина времени летит,
И не замедлить бег её.

И если кто-то вдруг промедлит,
Он попадёт под колесо.

Машина времени спешит,
Она всегда без тормозов,
И только замечаем мы
Мельканье звёздное подков.

Но мы ведь тоже за рулём,
Не уважаем тормоза.
Мы вслед за временем спешим,
Но не догоним никогда.

И если кто-то оторвётся
От всеобъемлющей толпы —
С эпохой в ногу пронесётся,
А мы сплетём ему венки.

МГНОВЕНИЯ ИСТИНЫ

Я раньше не знал, что такое дно,
И дна, как и все, кто не знал, боялся.
А дно — это когда всё равно
И звон последних звонков примелькался.

А дно — это просто, когда под тобой
Ни дюйма счастья, ни метра сил,
И если бы Бог моей правил судьбой,
У Бога мне нечего было б спросить.

Когда исчерпан запас начал,
Когда себя не вобрать в сегодня,
Тогда приходит ко мне по ночам
Безысходность — старая сводня.

* * *

Обломки недописанных стихов
Разбросаны по свалкам бытия.
Мы снова натываемся на них,
Бродя по закоулкам старых жизней,
Несбывшихся и, кажется, забытых.
Но время искривляется, и вновь
Когда-то нас носившие потоки
Вплетаются в застывший водопад,
Зачем-то называемый судьбою.

А я опять стою на берегу,
Которому названья не придумал,
И я, который здесь, не понимаю
Того, который тоже я, но там.
Но есть невыражаемое нечто,
Что всех соединяет воедино,
Всех, кто барахтается в этих водах,
И тех, кто созерцает те движенья.

И это нечто тоже я,
Весь космос поглощающий собою:
Себя в потоке, в поисках любви,
Себя в покое с лёгкою улыбкой.

Ещё лишь шаг, и я сойду с ума
От этого величья неземного,
И с наслажденьем устремляясь вниз
К обломкам строчек, вспомненных вначале,
Я кутаюсь в обрывки простоты.

P.S. Да что я о себе – вот ты...
Как мне с тобой в одно из тел бы слиться?
Но как я благодарен, что ты есть,
И пусть, пусть ты во мне и я в тебе,
Но всё же ты – не я.
Какое счастье!
Ещё чуть-чуть,
И я б сошёл с ума.

Но слышишь ли? Я вспомнил о тебе
И кутался в обрывки простоты.
Спасибо, милая, за то, что есть и ты,
За то, что ты – не я, и я могу
Прийти к тебе и молча раствориться,
И позабыть себя, и умереть,
И воскресать послушно, с неохотой.

* * *

Сколько помню, на меня всё кто-то ставил,
Да и я всё время ставил на себя,
Но пришла пора – я это всё оставил,
Я решил – сия игра не для меня.

Люди, люди, и сдались вам эти скачки!
Сколько сил ушло на бесполезный бег.
Кто-то к финишу пришёл, но на карачках,
Ну а кто-то вовсе не пришёл вовек.

Победитель был герой, умён и ловок.
И держался молодцом до той поры,
Пока конь его не потерял подкову
И герой не оказался вне игры.

* * *

Скажи, скажи, ты можешь жить спокойно
И думать о тусовках и кино?
Вдали идут придуманные войны,
Где убивают просто и легко.

Разбитое стекло? – Всего лишь камень.
Сирена? – Повезли «больших» людей.
И человек упал, но он не ранен,
А просто пьян, он ехал из гостей.

Но учащённый пульс больной планеты
Врывается в мой дом, сорвав замки.
Абстрактное и призрачное «где ты» –
Сегодня здесь, лишь руку протяни.

И всполохи в ночи – внезапным громом,
И звёзды слишком близко – неспроста,

И выстрел не в кого-нибудь другого –
В конкретного и смертного меня.

Мы словно дети веруем: «Не с нами,
Не в этот год, не здесь и не сейчас»,
Но в сердце потаёнными путями
Бесшумно пробрались и душат нас.

И вот порой смеёмся через силу,
А кто-то признаётся: «Я боюсь».
Что ж, яда этого на всех хватило,
И от него лечить я не берусь.

А иногда забудемся покорно:
Вновь далеко незримая беда.
– Скажи, скажи, ты можешь жить спокойно?
– Я не могу, такие вот дела.

И что-то по ночам нас снова будит.
Мы думаем – и это позабудем,
И с умным видом изрекаем: «Всё пройдёт»,
Но ночью снова что-то нас разбудит
И днём незримой силою встряхнёт.

* * *

Бесконечно далёкие листья
Шелестят над моей головой,
Забывая и даты, и числа –
Бесконечный счастливый рой.

А теперь опадают. Смотрите:
Вот сорвался один и летит.
Вы летите, летите, летите...
Пусть останется цел хоть один.

* * *

В этой зиме и весна – только оттепель,
Лето – как сказка, а осень – во сне.
Милые люди, ну где же вы бродите,
На огонёк не зайдёте ль ко мне?

Может, метель раскидала вас по миру,
Может быть, кто-то в сугробе увяз?
Может, вы просто давно уже померли,
И дожидаясь напрасно я вас?

* * *

Мир устал от дурных пророчеств,
Снова накликали нам беду.
Миллионы людских одиночеств
Снова мечутся, как в бреду.

Но никто не ищет спасения,
Каждый знает: спасения нет.
И мы просим лишь облегчения,
Уменьшения перечня бед.

И потоп – пустая забава
По сравнению с тем, что мы

Добровольно отдали право
Быть живыми после войны.

Мы просили помнить — и только.
И боялись больше хотеть.
Нам, как в школе, хватит и тройки,
Нас устроит и в жизни треть.

Мы боимся поверить в чудо,
Мы усвоили: нет чудес.
Мы встречаем часто Иуду,
А Христос не идёт с небес.

Я бегу от мудрости этой
И из сил последних кричу:
Я не верю в плохие приметы.
Я надеюсь, я счастья хочу!

* * *

Господи! Спаси душу мою!
Господи! Для молитв не время!
Говорю с тобой на самом краю,
Прости, что снова не на коленях.

Не припадаю к твоим стопам.
Господи! Дай из реки напиться.
Всё, что есть и будет, отдам,
Но вспомни, моя река — лица.

Ты знаешь, жил на земле чужак,
Он писал о любви «для любви не знавших».
Не так страшно, что всё не так,
Как в книжках его и в мечтах упавших.
Самое страшное — не любить...

* * *

Возьми моё время,
Смотри, оно бьётся,
Как сердце, пронзённое солнцем.
И от колодца к колодцу,
Звёзды увидев,
Воды не напиться.

Возьми моё время,
В нём горечь и боль,
И лиц вереницы.
И всё же в нём что-то ещё,
Что к ним не сведётся.

Возьми моё время.
Мы все разойдёмся,
Оно остаётся.
И летняя ночь,
Впитав его сон,
Откроет границы,
И мы поплывём над вечной землёй,
И смерть не случится.

* * *

Я устал от вечных похорон,
Каждый день кого-то отпевать.
В воздухе плывет церковный звон.
Вам не надоело умирать?

Постоянно гибнущий собрат,
Не смотри уныло на меня.
Я, прости, ничуть не виноват
В том, что ты не понял ни хрена.

* * *

Нас расстреляли на рассвете
И отпустили с Богом.
Бесстрастный ветер вымел чисто
Мою дорогу.
Нет ни соринки, ни пылинки —
Не зацепиться.
Чего же злиться на судьбу,
Зачем же злиться?

За то, что все мои мечты
Сыграли в ящик,
За то, что новые круги
Не впечатляют,
И остановки в поездах
Не объявляют.

* * *

Опять в опрокинутом небе
Несёт и несёт облака,
И небо уходит, уходит
И снова летит с высока.

Но только роняет дождемки,
Не в силах достать до земли.
А осень опять по старинке
Полощет линялые дни.

Полощет года за годами,
Полощет века напролёт,
А после стирает ветрами
Минувшего лета налёт.

И вот уже не было лета,
И дни предосенним путём
Летят над промокнутой планетой
И плачут усталым дождём.

* * *

Время пройдёт, и мы поймём,
Нужно ли было
Стоять на своём,
Но это будет потом.

Время рассудит,
От боли спасёт.
Время заставит идти вперёд,
Но ничего не вернёт.

Мы здесь, пока боль не прошла.
Просить всё вернуть
Не настала пора.
Так нужно ли ждать, когда?

Ведь всё будет не то тогда,
И нас никто не спасёт
От того, что нужно идти вперёд,
Свой пропустив поворот.

ПОСВЯЩАЕТСЯ КОЛЛЕГЕ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Бредовые сны, отпечатки весны
На гаснущем небе зимнего дня.
Когда вспоминаю, что все мы больны,
Я прежде всего вспоминаю тебя.

Почём твои розы, маленький принц?
Что случилось с прирученными тобой?
Поговорим о галстуках (и о сексе, без лиц).
Нам уже можно, ведь ты большой.

Небеса распахнуты, земля из-под ног,
Ветер носится в пустых мирах.
Тот, кто привык запасаться впрок,
Пусть носит в себе обзлённость и страх.

Ты петь соберёшься не в лад, не в тон –
Я уши заткну, притворюсь стеной,
Но ты просочишься в оконный проём.
Я плюну на всё – буду петь с тобой.

Я буду петь о том, что и ты,
И каждый будет молчать о своём.
Никто не умрёт от такой немоты,
И никто не войдёт в пылающий дом.

Мы сгорим дотла и пойдём покурить.
Смотря сквозь дым твоих сигарет,
Я пойму, что нельзя убить
Того, в ком давно уже звука нет.

* * *

У каждого свой последний приют
И свой песок на зубах.
Ты выйдешь из дома на пару минут
И растворишься в веках.

Никто не видел твоих следов,
Никто не помнит сказанных слов.

И в этом равен с тобой любой,
И каждый по-своему прав.

Когда ты снова станешь никем,
Сбросив перечень главных тем,
Ты уйдёшь с головой туда,
Где не видно следов и забыты слова.

Тебя метелями заметёт
Запоздалый февраль
И все приметы с лица сотрёт,
И памяти будет не жаль.

Никто не увидит твоих следов,
Никто не вспомнит сказанных слов.
И в этом равен с тобой любой,
И каждый по-своему прав.

* * *

После сказанных слов мне уже не свернуть,
После виденных снов я навряд ли проснусь.
Если мне повезёт, может быть, кто-нибудь
Всё же встретит меня, если я возвращусь.

Здесь разлуки поля зацветают весной,
Здесь вселенная стала для бегства мала.
Одуванчики вспарывают желтизной
И бинтуют своей белизной купола.

Кто меня разбросал в этих странных местах
Непрожитую боль в пустоте утопить?
Может, Бог, может, совесть, а может быть, страх.
Может, кто-то ещё, кто умеет любить.

Может те, к кому я до сих пор не успел
И к кому не успею уже никогда.
Может, это тот самый «великий предел»
И последний приют, что мне дан навсегда?

А сегодня так просто слетали замки,
Безнадёжных больных воскрешали, простив,
И шаги были так бесконечно легки,
Что весь мир содрогнулся и в шоке затих.

* * *

Ветер вольный, сны мои мятежные
Унеси в далёкие края.
Ты просторы ведаешь безбрежные,
Для тебя открыта вся земля.

Утоли печаль мою, кручину,
Расскажи, что видел, что слышал.
Может, скоро этот дом покину
И уйду туда, где не бывал.

По земле, теплом весны разбуженной,
В зелень окунувшейся едва,

Этим вечным городом контуженный,
Я пойду, пусть кругом голова

От мелодий новых, незнакомых,
Новых лиц, идей, имён и тем,
Оттого, что я вдали от дома
И его забыл не насовсем.

Ветер, ветер, сбудется ли это
Или это блажь моей мечты?
Как и прежде, в поисках ответа
Вслушиваюсь в голос темноты.

* * *

Куда меня, соломинка, ведёшь?
Я думаю — ты и сама не знаешь.
Ты думаешь, с тобой не пропадёшь,
Хотя сама всё время пропадаешь?

Я разуверился во всём, что знал.
Я разуверился в самом себе,
И то, что я за правду принимал,
Вдруг расплылось в неверья синеве.

И всё-таки никто меня не понял.
Понятен ли себе — не знаю сам.
Живу, смотрю на мир глазами сотен,
Не тороплюсь к бездушным небесам.

* * *

Вопросы вечные: «Зачем и почему?» —
Их каждый в детстве задаёт,
Но отвечать кому?
Первый, второй — в рай, за мной.
А может, я не хочу?
Ну что ж, вы идите, первый, второй!
А я лучше в пекле сгорю.

Святые мне не дадут ответ,
Я в пекле узнаю его.
Мы, грешники, свергнем богов и чертей.
Смятенье лишь грешным дано.

* * *

Горькое похмелье.
Дождик за окном.
Тикает в затишье
Жизни метроном.

На душе тоскливо,
Тускло не к добру.
В этом странном мире
Я не ко двору.

По реке несётся
Тёмная вода —
Больше не проснётся
Радость никогда.

И слова пустые
В гулкой тишине
Бьют каплями по крышам —
Вторит дождик мне.

* * *

Прости меня, мой друг.
Я не хотел прощаться,
Теперь уж не успеть,
Да это не беда.
В конце-концов нам всем
Не вечно собираться,
Не вечно греться нам
У этого огня.

У этого огня
Мы различаем лица,
А сделал шаг — туман,
И видимости — ноль.
И белый дым костра —
Он к небесам струится,
Вливаясь в облака.
Ловить его — уволь.

Пушай себе летит.
Я брошу взгляд в пространство...
Пора уж уходить
К свободным берегам,
А я ещё сижу,

Убогого убранства
Мне почему-то жаль...
Да ты всё понял сам.

Ты знаешь, ни к чему
Сейчас о чём-то спорить.
Все споры на вчера
Отложим мы с тобой.
Ещё чуть-чуть — туман
Расступится, как море,
И я шагну туда.
Ты не ходи за мной.

ПОСЛЕ МЕНЯ

Как ни рвись и ни бей гадов,
Всё равно в рамки при смерти втиснут
И скажут, что гады не были гадами,
А вы, молодой человек, слишком речисты.

Коли у нас всё убого и тихо,
Значит, и вы сидите внизу.
И смотрите, а то попадёте лихо
В вами разбуженную грозу.

В ответ хотел бы сказать только:
«Не сгинуть в Лету, не напиться вдрызг,
Да не послать всех к матери такой-то.
Пушай стоит красивый чёрный обелиск!

И золотом на чёрном – вот он я.
Две даты, пара строчек о заслугах.
Пусть вспоминают близкие друзья
И в праздники венки кладут по кругу».

НЕПОКОРЁННАЯ ВЕРШИНА

И вновь не поддалась вершина,
И подвели ремни крепленья,
А может, сам тому причина,
А может – это невезенье.

Всего лишь час, всего лишь миг,
Прошло холодное мгновенье,
И может, это смерти крик,
Хотя ты вторишь – невезенье.

Из глубины, из теми тёмной
Зовёт и не даёт уснуть,
Косою косит неуёмной
Не зная жалости ничуть.

И во всеобщей круговерти
Кто из живых не позабыт?
Что жизнь ответить может смерти?
Она молчание хранит.

Нет, моей земли здесь больше нет.
Ветер оборвал последний лист,

Дождь размыл последний слабый след,
Я уже давно не скандалист.

Спорить с непогодой ни к чему,
Всё равно уже пришла зима.
Намела сугробы на мою
Душу, сердце и мои слова.

Здравствуй, незнакомая метель,
С прошлых зим так изменилась ты,
А казалась, помню, словно мель,
Глупостью, когда полно воды.

Я ушёл – ты ворвалась в окно.
Ни к чему горячие сердца –
Этот лёд упорный всё равно
Растопить не сможем до конца.

.
А теперь и оттепель беда:
Вспоминаю лето неудач,
Как задорно с заднего двора,
Уносили кони счастье вскачь.

Уходя от тебя туда, где пространства нет,
Где осталось время, и то уже на исходе,
Где не действует ни одна из известных примет,
С удивлением вижу, что здесь я на что-то годен.

Но вскоре стало заметно,
Что с небом что-то не так,
Хоть нам говорили —
Это внизу кавардак.

На проповедях и мессах
Раз за разом аншлаг.
Но кто тебе скажет,
Что происходит с тобой не так?

Смотри, всё, что мы знали,
Исчезает, как сны,
И те, кого мы любили,
Смертельно больны.

* * *

Мне не надо больше того,
Что ты можешь мне дать.
Мне достаточно снов,
В которых можно летать.
Мне хватает света настольных ламп
И тепла зимних ночей,
И этот путь мой,
И мне нравится, что я ничей.

Здесь не так уж и плохо,
Если выключить свет.
Нас не застанут врасплох,
У сердца достаточно слов,

Мне есть, что сказать в ответ.
Мне нечего опасаться —
Я останусь собой.
Когда ты придёшь прощаться,
Я не скажу: «Постой»,
Ведь я не скажу: «Постой».

Мне не надо больше того,
Что ты можешь мне дать.
Мне не надо больше того,
Что ты можешь мне дать,
Но когда я решу уходить,
Не надо меня прощать.
Не надо меня прощать.

МЕЧТА О ПУТИ К МАСТЕРУ

И даже в сказках убивали самых лучших.
Их не спасала ни любовь, ни вера,
И мысль, что спасение — химера,
Почти приевшись, стала меньше мучить.

Жил сказочник, женившийся романтик,
Уставший от долгов и вечных споров,
От бесполовых нудных разговоров.
Ночами с кошкой он болтал о Канте,

А вечером писал свои творенья.
В них был потерями охвачен путь

К победам, что сравнялись с пораженьем,
А чудеса научны, просто жуть!

И в тайне ото всех он ждал открытий,
Мечтал когда-нибудь на зыбкой слабой грани
Порвать с ненужной чередой событий —
Стать Мастером и верить Маргарите.

И огоньки зелёные в глазницах кошки
Горели вечным огоньком.
Она была в крупнопанельной келье пошлой
Единственным свободным существом.

Но шли года, жена продала кошку,
Породистого мопса завела.
Он Канта не признал и на обложки
Лишь пялил бестолковые глаза.

* * *

Иней давно под ногами не тает,
Сминается лишь.
Ну чего же тебе не хватает,
Что ты молчишь?

Видишь, дорога сказочным
Светом озарена,
И ничего здесь случайного —
Вся для тебя она.

Так позабуди надоевшее дело,
Шагу прибавь, ободришь.
Видишь, огонь струится —
Прорвёмся хотя бы ввысь.

Можно прорваться и просто пройти.
Только к чему?
Поздняя осень, нас ждут впереди,
Но в прошлом году.

Ночная дорога к друзьям, ожидающим нас.
Ну а друзья — те, кто рядом и кто не спас?
Такие друзья вроде не очень нужны.
Да и друзья ли они?

* * *

Мне не выйти из этого круга,
Не набрать надежд на полшанса.
Хорошо хоть рядом нет друга —
Не увидит он, как я сжался.

Не узнает он, как я сдался,
И хотя пока бьюсь вроде,
Я давно с собой распрощался.
В городах моих смерть бродит.

Смерть не трогает тех, кто дышит,
Смерть приходит лишь к тем, кто умер.

Она редко бывает выше,
Чаще это обычный зуммер.

Извещающий тех, кто рядом,
О давно решённом вопросе:
За ещё приличным фасадом
Зреет решенье о сносе.

Я её пока отгоняю,
Но она потихоньку смелеет.
Доколе мне ждать, не знаю,
Но она с каждым днём наглет.

* * *

Мне нужен свет,
Но чего я хочу?
Чтоб рассвело или чтобы
Зажёгся огонь?
Я не знаю.
Я вижу и в темноте,
Но всё-таки мне нужен свет.

Я больше так не могу,
Но куда мне податься:
Вернуться назад
Или всё же рвануть вперёд?
Я не знаю.
Я долго так жил,
Но больше я так не могу.

Мне нужна ты,
Только кто ты,
Мираж или та,
Которую видел сегодня?
Я не знаю.
Я мог бы найти и другую,
Но мне нужна ты,
Всё-таки ты.

Когда я вижу осколки
Вчерашнего дня,
Мне становится
Ясно вдвойне:
— мне нужен свет
— я больше так не могу
— мне нужна ты.

* * *

Года пройдут, как те, что были перед ними.
Из памяти сотрутся эти дни,
И мы себя почувствуем другими,
И нас поманят новые огни.

И вот тогда свою гитару вспомню.
Под незатейливый, знакомый перебор
Вдруг двинутся назад времён прошедших волны,
И оживёт забытый разговор.

* * *

Кончились ноты, их было всего только семь.
Люди транжирили их все века напролёт,
И на нашей вдруг опустевшей земле
Больше никто никогда ни о чём не споёт.

Ушли караваны симфоний к гавани,
Снялись перелётные песни гитар.
А помнишь, как в небе ручные сонеты плавали,
И сердце лечил скрипичных мелодий отвар?

* * *

Летящим в лёт, плывущим вплавь,
Идущим на ощупь — моё «до встречи».
Снова с утра при слове «вечность»
Похмелье, как от смешенья вин.

Я, позабывший свои сказанья акын,
Пытаюсь петь о погоде,
А погода в городах заметно
Неприглядней.

Снег всё грязней, и небо
В предчувствии первого грома томится метелью.
Как и прежде предпочитаю законы Ома
Законам аттракции, переходящим в попытку.

Всё-таки странно, что я,
Не такой уж пряткий,
Докрутился до февраля.

Мой кайф — в овале нуля,
В настройке от ноты «ля»,
В произнесении «здравствуйте»
Всем, кого ещё держит земля.

* * *

Я долго маялся: «Зачем я здесь?!»
Тени тех дней посещают меня,
И в воздухе плавает едкая взвесь
Упрёков в том, что живу я зря.

Живу, как живу, не сменив на уют
Неверное счастье быть собой.
Но я уверен: меня где-то ждут,
Нужен кому-то голос мой.

В двенадцать, услышав российский рок,
Я и не думал, что это он,
Отсюда я запомнил первый урок,
Пусть не смысл, но хотя бы тон.

Не знал я многого, шёл наугад.
Казалось порой: «Вот и финал»,
И теперь, если взглянуть назад,
Не жалко того, что тогда не знал.

* * *

Нас вдальбивала жизнь в параграфы и классы,
Впечатывала нас с размаху носом в план,
И мы глядели в даль, но видели лишь пассы
Красивых чьих-то рук и голубой экран.

И так, вращая в мир, мы жили понемногу,
Молясь по вечерам и бреясь по утрам.
И каждый приручал какого-нибудь бога,
И получал, что мог, от неизбежных драм.

РЕКВИЕМ ПО «МЕТАЛЛУ»

Когда ты был королём,
Ревел в исступлении зал,
А нынче отправлен на слом
Великий, но павший «металл».

Когда-то ты был огнём
И к выходу путь указал.
Мы к выходу сами дойдём.
Прощай, благородный «металл».

Серьёзные парни сегодня
Здесь собрались.
Сегодня здесь будут снова
«Металл» ковать.
И кто не знаком с «металлом» — держись.
Тебе покажут сегодня кузькину мать.

Свежей кровью врывается в души.
Слушай, слушай, слушай, слушай.
Слушай «металл», слушай «металл»,
Если тебя усталость душит.
Слушай, слушай, слушай, слушай.
Слушай «металл».
Найдёшь, что искал.

Но редет лес коз,
И кто-то верит в искренность поз,
Что это всерьёз, это всерьёз.
Уже не прощают за рёв и вой
Пустоту за душой —
С концертов уходят порой.

Музыка может взорвать зал —
Твои уроки ещё свежи.
Спасибо, «металл».
Спасибо, «металл»,
Но новых звуков просит земля.
Я уверен — это не зря.
Прощай же, «металл».

* * *

Зажги свечу, смотри, как тает воск,
И время расступается на время.
И нет его, а есть в пространстве мост
Меж нами «этими» и нами «теми».

Да я и сам не против «о другом»,
Но «о другом» слагается всё то же,
И путник, покидающий наш дом,
Покинуть до конца его не сможет.

Его следов не разглядеть давно.
Да что следов, и дома нет в помине!
А я смотрю в разбитое окно
И исступлённо повторяю имя.

И вновь в нём живо множество имён,
Хранимых, исковерканных, забытых,
Непонятых, как отлетевший сон,
Как завтрашняя книга нераскрытая.

Задууй свечу, смотри как стынет воск...

Зимнее море, холодный песок,
Чайки, сидящие на берегу,
Домик облупленный, ржавый замок,
Ветхая крыша в снегу.
Знать бы к чему это видится мне
В слякоть в конце ноября:
Сверху летит то ли дождь, то ли снег,
Падая или паря.

Память моя — необъезженный конь,
Снова уносит меня

Так, что уже ни за что не понять,
Где был источник огня:
В прошлом ли, в будущем,
Чёрт знает где,
Где ни покрышки, ни дна.
Где эта улица, где этот дом,
Чьи в нём звучат имена?

Лишь через дебри прожитых эпох
Льётся обманчивый свет.
Время скрывает какой-то подвох
И указателей нет,
Но пробираюсь сквозь миражи
Следствий, причин потерь.
Я загляну к Вам на огонёк,
Не закрывайте дверь.

ВСЁ, КАК ТОГДА...

Всё как тогда — горит на кухне свет.
Розовый снег согреет ночь,
И, как тогда, конца у ночи нет,
Но есть что-то ещё.

Я никогда не вернусь, запомни, по тонкому льду.
Я никогда не вернусь к тем, кто ушёл,
И сегодня я смотрю мои вчерашние сны.
Слышишь: мне больно, но хорошо.

Всё как тогда — горит на кухне свет.
Чуть рассветёт, и свет согреет ночь,
И, как тогда, конца у ночи нет,
Но есть у нас что-то ещё.

Я никогда не вернусь, запомненный солнцем,
по тонкому льду.

Я никогда не вернусь в те места,
Откуда ушла ты,
Но сегодня и я смотрю вчерашние сны.
Слушай, мне очень больно, но и хорошо.
Ты слышишь: мне больно, но хорошо.

* * *

«Что я делаю здесь сейчас?
Я не верю себе ни капли.
Я родился в другом году,
И совсем на другой звезде», —
Так мне кажется иногда.
И без разницы друг ли, враг ли,
Но не мой это друг и враг.
Мой — другой, где-то там. Но где?

По вселенной метёт пурга,
Задует дороги наши,
Нас сбивает с ног и с пути,
И в беспутье бросает нас.
И у тех, кто рядом, уже

Бесполезно о чём-то спрашивать.
Я иду, как пьяный, в метель,
Лишь на свет единственных глаз.

Он колеблется, да и я
Сам не верю в него порою.
То мне кажется — это бред,
То — осколок вчерашних снов.
Только если мне суждено
Из себя вернуться собою —
Это кем-то поданный знак
Из потерянных мной миров.

Ведь и вправду же, не случайно,
Здесь я понял, что этой музыке
Ерунды не хватает — звучания.
В двух шагах, в другом измерении,
В этом доме, где нет хозяев,
Я, покуда лишь гость нечаянный,
Оказался в каком-то странном,
Незадачливом положении.

Вижу — снова играют музыку,
Всё как надо, но нет звучания,
А оно ведь близко совсем,
В двух шагах, в другом измерении.
Плоско смотрятся на фоне истории
Большинство замечательных людей.

Поняты, познаны, в колонны построены,
Больше не рыпнутся в рамках дверей.

Нет, граждане, не ожидается чудес.
Здесь уже ничего не изменится:
Живые мёртвых почти застраховывают —
Мёртвый молчит, куда он денется.
Только вы плохо знаете
Тех, кого сами похоронили.
Вы одну вещь совсем забываете:
Эти мёртвые тоже жили.

Вы выжимаете мысль и время,
Глощаете выжимки без оглядки,
Не замечая, а может, нарочно,
Сами с собою играете в прятки.
Как известно, начало — это прекрасно,
Но вот, когда известен конец...
Нет, это не люди — одни оболочки,
На которые натянут терновый венец.

Больше не будет сомнений и повестей.
Миг не прекрасен, не страшен крик,
И никакой святой горести,
Когда на нас застарелый лик
Посмотрит робко и... отвернётся.
Улыбка презренья в губах скрыта.
Мёртвым спится всё беспокойней
Оттого, что они в немилость зарыты.

* * *

Как хорошо, что здесь нет тебя.
Я провожаю твой след на реке.
Смотреть не могу в твои глаза.
Не могу прикоснуться к твоей руке.

Уходи, уходи, пока я не пошёл за тобой.
Погоди...
Нет, уходи, уходи, уходи,
Пока я остаюсь собой.

Не смотри ты назад, не смотри.
Если встретится взгляд,
Знаю я — что-то рухнет внутри,
 Попрошу, чтоб вернулась назад.

Уходи, ради всего, что у нас впереди.
Уходи, ради всего, что у нас позади...
Уходи.

* * *

Я хотел бы сойти на забытом перроне,
Чтоб вокруг никого и не видно ни зги.
Так бывает, нас жизнь в суматохе обронит
И простит ненадолго все наши грехи.

Я никто и ничей, я фактически не жил,
Я свободен, как будто ещё не рождён.

Я не знаю, и может, я только лишь брежу,
Что я в этом вагоне на путь обречён.

Я хотел бы сойти, только поезд экспрессом,
И никто не решится рвануть за стоп-кран,
А на окнах уже пробивается плесень,
И сочится из тамбура сизый дурман.

Я хотел бы сойти. Вдруг какая поломка?
Я хотел бы сойти. Всё тяну и тяну..
Я хотел бы сойти... Матерюсь я не громко
И, как маленький, с жадностью липну к окну.

* * *

В эту ночь можно всё:
Можно стать королём до утра,
Карты жизни смешать
И по новой колоду раздать.

Позабить всё, что было,
И снова влюбиться в тебя,
И с тобою под музыку звёзд
Танцевать, танцевать.

Можно старых друзей
Неожиданно встретить в толпе
Или новых впустить
В посветлевший от радости дом.

Можно дверь распахнуть —
Заходи, кто захочет, ко мне.
Можно жить, не терзаясь вопросом:
«Что будет потом?»

КОНЧИЛОСЬ ШАМПАНСКОЕ

Кончилось шампанское,
В комнате темно.
Утро — конь троянский —
Ломится в окно
И несёт с собою
Бледную зарю
С призрачной игрою теней на снегу,
С поздним сожаленьем
Ранних панихид
И с остервененьем
От глухих обид.

С бесшабашной грустью
От последних слов,
Брошенных напутствий
И забытых снов
Сердце сжалось в кокон,
И зелёный свет
Из раскрытых окон
Не струится, нет.
Будут дни, как годы,
Только без весны,

Только без свободы,
Только без любви.

* * *

Не задавай вопрос: «Откуда?»
Тебе мне нечего сказать.
Там пепел и обломков груда,
И нежеланье вспоминать.

«Куда?» — наверно, сам не знаю.
Так помолчим, чем говорить
О пустяках, не понимая —
Всё счастье — в тишине побыть.

Как много слов, так сильно жгущих,
Наотмашь в спину бьющих фраз
И умников, в лицо плюющих,
И дураков, входящих в раж.

И ложь, и правда в них нас били,
И неизвестно, что сильнее:
Глупцов цинизма изобилье
Иль правды жгущий суховея?

Да, помолчим! И может, оба
Сквозь мерзкий лай и едкий дым,
Как другу друг, без лишней злобы,
Друг другу что-то не простим.

* * *

А я его пожалел тогда —
Мол, видно, не повезло.
А я не знал, что гитара моя
Про то запоёт, про то!

А парень с такою болью пел
И струны перебирал,
А звук от гитары совсем не грел —
Казалось, вовсе не пел.

Он с кровоточащей усмешкой пел,
Но затих и ушёл в ночь,
А в арбатской тиши навсегда засел
Такой же мотив точь-в-точь.

Парень с гитарой, не стой,
Парень с гитарой, не пой.
Проходи стороной,
Душу не беспокоя.

Но чаще и чаще приходится
Мне вспоминать, понимать:
На все вопросы нельзя отвечать,
На главные — нужно молчать.

Я СЕГОДНЯ ГОСТЕЙ НЕ ЖДУ

Снова вслушиваюсь в темноту..
Нет, это мне показалось.
Я сегодня гостей не жду,
Ну если только самую малость.

А с малости спрос невелик, известно.
Значит, ждать-то и вовсе некого,
Только, если сказать честно,
Не хочется быть калекою.

Как будто попал под «КАМАЗ» вечности,
Вёзший всю веками копимую
Тоску и боль всего человечества,
И потерял друзей и любимую.

Уж лучше бы сердцу выпрыгнуть сразу
На асфальт резиновым мячиком,
Чем так подцепить души проказу,
Когда все удаляться начали.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Когда поутру рассвет отменяет ночь,
А вы просыпаетесь в тёплых своих постелях,
Я, поверьте, ничем не могу вам помочь —
Вы уже пропустили рождение апреля.

А значит, вам уже ни за что не понять,
Почему в этот день всё будет так несерьёзно.

А ведь это просто: ночью ушла зима,
И я видел, как она пробиралась по звёздам.

Она весь март куда-то вдаль собиралась
И напоследок дороги мела пургой,
А сегодня утром вдруг оказалось,
Что снег прошлогодних дум забрала с собой.

Апрель, вот наконец-то пришёл апрель,
Я в каждом звуке слышу его шаги.
Распахни мне небо, пойми меня и поверь —
Я так устал жить посреди зимы.

В общем, я зиму люблю, и в людских глазах
Холодный блеск мне дороже раскисших слёз,
Но сегодня сердце уже не обманут слова,
И кощунством покажется ждать по весне мороз.

Так дай мне солнца, апрель, чтоб растаял лёд,
Ветра дай, чтоб унёс старую боль,
А остальное сердце само возьмёт,
Если его не разъела снежная моль.

НАМ ДЕНЬ ПОСЛАЛ ПРЕКРАСНУЮ ЗАРЮ

Спи, уже светает понемногу,
И в запасе только два часа.
Да угомонись ты, ради бога,
Поздно, братец, ночь уже прошла.

Ночь ушла, опять не расплатившись.
Ладно, нам не путаться в долгах.
Вон луна, как будто сговорившись,
Таёт прямо на глазах.

Так пускай и мысли растворятся
В предрассветной сумрачной дали,
И пускай они тебе не снятся,
Их хоть ненадолго прогони.

Утро будет тихим и спокойным
И, наверно, муторным чуть-чуть.
Так пускай умолкнут даже войны
И дадут немного отдохнуть.

ЗАЧЕМ ЖЕ В ДРАКУ ЛЕЗ?
Всё забыть: дела и время,
Безразличье и каприз,
Счёт, удачу, скуку, пламя,
Мир, в котором родились,

Потасовку, свару, драку,
Лишний вес в душе – балласт,
Отблеск солнца в крышке бака,
Отрицанье высших каст,

Счастье, боль и неполадки,
Чьи-то в тишине шаги,
Заверенья «всё в порядке»
И призывы «помоги»,

Старый город, новый город,
Всех знакомых, лунный свет,
Оттопырившийся ворот,
Музыкальный винегрет.

Старину, разводы плесени,
Совесть, глупость, птичий гам,
Распустившиеся песни,
Всепрощенье дуракам,

Непонятные начала,
Очумевшие концы,
Приоткрытое забрало,
Крепко белые резцы.

Позабыть? Чего же проще –
Только вены перерви,
Мне ж пока мозги полощут
Недоноски-упыри.

До сих пор бешусь без толку
И слова забыть боюсь,
Но и помнить втихомолку
Не могу и не берусь.

Всё, что было, всё, что будет,
Надоесть успело вдрызг,
Но я ещё не кончил, люди,
Я пока не обелиск.

То ли бронзы маловато,
То ль построен на песке,
То ли слишком мало мата
На табличке в уголке.

Может, если поразмыслить,
Всё забыть — и дело блеск,
Но покоя нет от мысли:
«Так зачем же в драку лез?»

ОТ СЛОВА К СЛОВУ

Я не боюсь придуманных законов,
И не молюсь я местным божествам,
Но слыша звук далёких перезвонов,
Жалею иногда, что я не там.

Переходя границу за границей,
Мне помнить бы, где город мой лежит.
Порой он ночью тёмной мне приснится,
И эхо улиц в песне зазвучит.

Но лиц не разобрать, кто в нём — не знаю,
И, может быть, тревожно от того.
Я жителей его в пути встречаю,
Но только лишь покинувших его.

А может, нету города такого,
И нужно строить новый на камнях.

Что ж, строить — это, в общем-то, не ново,
Но, может, дело тут не в городах.

А в том, что мы идём от слова к слову
И от одних людей идём к другим,
И в том, что ради этого готовы
Мы незнакомый мир назвать своим.

Я ЗДЕСЬ ЖИВУ

Пока ещё есть вопросы неразрешённые,
Пока ещё не погасла моя заря,
А в камерах душ мечутся заключённые,
Я здесь живу и живу, похоже, не зря.

Пока «всё ясно» — это лишь от отчаяния,
И «всё как надо» — просто чтобы не грустить.
Я буду жить, чтоб кого-то понять нечаянно,
Проклясть, а потом, может быть, простить.

Я буду биться о стены ресниц прираспущенных,
Бродить по улицам и по ночам писать,
Вспоминать, что не дочитал Пушкина,
В коридорах, в очередях стоять.

И люди будут смотреть на меня с усмешкою,
Со смущеньем, с глупостью,
с безразличьем смотреть,
С любовью, с неожиданнейшей нежностью,
Со злостью, глаз поднимая плетью.

Погасшие звёзды второй раз не светят,
А мы были вместе, и звёзды цвели.
Ну как же могу я тебя не заметить,
Ну как мне не крикнуть тебе: «Подожди!»

И ты подождёшь...
«Далеко ли живёшь?» —
Но новые ждут друзья.
Ты уйдёшь...
А может, не так?
Всё будет не так?
Казалось, пустяк,
Но я не хотел бы тебя встречать.

Погасшие звёзды второй раз не светят.
Покуда смогу, я тебя не пущу,
А дальше, прости, ненароком не встречу,
А всё потому, что терять не хочу.

МЫ ЧУТОЧКУ ЛУЧШЕ

Пока не покрылося плесенью ретро
Всё то, чем мы жили в кипящие годы,
Снуют не классически ждущие лица
И вовсе не странными кажутся люди,
Оценим ещё настоящей ценою
Всё то, что сочтут недостойным оценки,
Сейчас, когда нет окончательных мерок,
Зато есть возможности переоценки.

Сейчас, когда лица застыли навечно,
Пока их не сдвинет времён многолетье,
Сейчас, когда всё впереди для кого-то,
И нам ещё рано оставить наследье,
Есть шанс нам остаться навек молодыми.
Хотя это пошло жалеть о старенье —
Равны перед временем, каждый с своими
Уйдёт размышленьями в это мгновенье.

И все мы, кто чуточку лучше и проще,
Застыли в равненье. Мы знаем — так будет:
Придут, отодвинут тихонько за сцену,
И будут стоять так другие здесь люди.
А вы, кто здесь «лучше», — не будете лучше,
А вы, кто «не вышел», — таких не бывает.
Щелчком повидавшего жизнь аппарата
Нам эта вот жизнь свою дверь открывает.

* * *

Моей душе спасенья нет.
Куда бегу я, сам не знаю.
От мыслей я своих бегу
И снова их в пути встречаю.

И вспыхивает предо мной
Огонь забытый и распятый,
Обожествлённый и порой...
Печально горький, в грязь замятый.

О Боже! Как же это трудно,
К тому ж неблагоприятный труд —
С собой бороться и подспудно
Нести под сердцем желчи пуд.

Надежда — спутница страданий.
Зачем надеяться на то,
Что нужно мне без оправданий
И было принято давно.

И против всяких возражений,
И против логики стальной
Опять в моём воображенье
Встаёт гонимый образ твой.

Я вижу — не цвести здесь розам,
Давно разрушены мосты,
Так почему же я сквозь слёзы
Всё повторяю: «Только ты!»

* * *

Удар, удар — судьбы перегар.
В голову, в сердце удар, удар.
Со всех сторон удары летят.
Бьют в душу, бросают назад,
Упрямо, долго, упорно бьют
И передышки мне не дают.

Злости во мне на сотни наветов.
Только злость — это слабая страсть,
И без силы она не одержит победы.
Остаётся лишь в бездну упасть и пропасть.

Но не хочется падать, мне хочется жить,
Но не так, как жизнь я тяну.
Мне хотелось бы вечно в небе парить,
А на деле тихонько иду я ко дну.
Что же в том, что хочу я и чем я дышу —
Из себя, из нутра не прорваться уже.
Я надёжно там заперт, пощады прошу
У судьбы, у неверной моей госпожи.

НОЧНАЯ МОСКВА

Идёт по улице трамвай,
Бредёт по улице прохожий.
Он как-то тупо впёрся в даль,
А там вдали одно и то же.

Мерцанье призрачных огней,
Но ночь темна, вот-вот сомкнётся.
Лишь вереница фонарей
Напору ночи не сдаётся.

Один по улице иду,
Но, видно, мне не одному
Сегодня ночью, хоть убей,
Не спится.

Слова мутируют. Я не судья словам.
Пусть произносят их, как и когда хотят.
Смысл остаётся вовне — не под и не над.
Смысл остаётся, сочась, как пот по крестам.

Помнишь? Провинция, тёплая сень садов.
Дело заброшено, скоро начнёт темнеть.
Солнце уже разменяло золото на медь —
Факт поважнее казни чужих богов.

Скоро придут друзья. Из других проказ
Нам, как всегда, будет милей одна:
К кубку прильнув и вкусив аромат вина,
Посостязаться в искусстве сплетенья фраз.

Что занесло нас в этот безумный век?
Видно, где-то, когда-то переиграли мы,
Вот и месим слова посреди зимы.
Мрамор крошится, но не в песок, а в снег.

ПРОШУ НЕМНОГОГО

Впадаю в ересь — говорю языками чужих богов,
Не надеясь, что это поможет, а просто так.
Наткнувшись на новый трансмир, желаю всех благ
И стараюсь не задевать основ,
Задевая лишь тех, кто оказался рядом,
Выпивая лишь тех, кто оказался ядом,
Убивая лишь тех, кто говорит «не надо»,

Вспоминая лишь тех, на кого осталась досада.

Бог троллейбусов, большой трёхвагонный состав
Из суперпластика и веры в конец маршрута,
Он превращает кому-то
самый обыкновенный шкаф
На колёсиках — в храм абсолюта,
Вздымая дуги к живительным проводам.
Прошу немногого: иссякли только бы пассажиры.
Только бы вышла она, и я довёл бы её тогда
До дверей квартиры.

НИЧЕГО ДЛЯ ТЕБЯ

Ничего для тебя.
Я читаю чужие стихи,
Я тебе подарю их, наверное,
На день рождения.

Ничего для тебя.
Скоро осень отпустит грехи
Пережившим ноябрь
И огонь не задувшим
В смятении.

Ничего для тебя.
Всё и так остаётся с тобой.
Время спать,
Ждать, когда закончится день,

Наблюдать круги на воде,
Знать, что больше нигде в этот вечер
Не встретишь идущих навстречу.

* * *

Открылась дверь, и появился кто-то,
Скучающий, чуть-чуть навеселе,
И занялся привычною работой —
Разглядываньем бликов на стекле.

А некто вспоминал Намардашвили,
Поддерживая светский разговор,
И кавалеры вежливо шутили,
Подбрасывая веточки в костёр.

Немного утомительной беседы
О том, о сём, о слухах, о деньгах,
Об основном значенье Аюрведы,
О символах в посткоитусных снах.

И лишь она одна не замечала
Ни блеклых лиц, ни пустотелых фраз.
Она стояла где-то у причала,
Она была не здесь и не сейчас.

Он подошёл и взял её за руку.
Они ушли, никто не возражал.
Закрылась дверь почти совсем без звука —
За нею были море и причал.

НАМ ОБЕЩАЛИ

А нам обещали грибные дожди
И грозы, и яростный гром.
А нам обещали живые цветы,
Отмывшие грязь под дождём.

И тучи темнели, и воздух звенел
Далёкой, но зримой тоской.
И ветер нам песни безбрежные пел,
И звал нас уйти за собой.

Но дрогнуло небо, и первый порыв
Нам бросил пригоршню в лицо
Холодной метели, полмира закрыв,
Зажав в ледяное кольцо.

А нам обещали грибные дожди —
Но снежный туман над Москвой.
А нам обещали живые цветы,
И снова я рядом с тобой ...

* * *

Все улетают самолёты
К тебе, но я тебя забыл,
И бесполезны их полёты.
Но как движения светил,
Они размечены в природе
И повторяются день за днём.

И каждый день меня уводит
От дня, где были мы вдвоём.

Там дым струится по ущелью,
А может, попросту туман.
Там мной получено прощенье:
За весь последующий обман,
За рифмование тумана,
За горечь мелочных обид,
За звон гранёного стакана,
За недостойный быт и вид,
За то, что я ещё покуда
Тебя, конечно, не забыл...
Но самолёты улетают
По расписанию светил.

**СКАЖИ МНЕ, МОЖЕТ,
ТЫ С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ?**

Скажи мне, может, ты с другой планеты?
Совсем ты не похож на нас — людей.
Скитаешься один по белу свету,
И в этом счастье, в этом твой удел.

Откуда ты пришёл на нашу землю?
Быть может, ты хотел найти приют,
Среди людей пожить, узнать их веру
И понести её с собою в путь?

А может быть, ты просто верил в чудо,
Что двери все откроют пред тобой.
Тебя, как брата, встретят и напоят,
Наполнят чашу сладостным вином.

Наивен ты, чудака. Не знаю, право,
Откуда столько веры в этот свет?
В нём прожито и пройдено немало,
Вот только счастья в этом мире нет.

* * *

Кружащиеся хлопья врываются в серые, неуютные
дворы, принося с собой, может быть, веками копимую
белизну и особое ощущение единства со всем миром.
Потому что и за тысячи километров идёт вот такой же
белый снег.

Он шёл сотни тысяч лет назад, когда ещё не было
человека, и будет идти каждую зиму ещё бесконечно
долго. Природа как бы напоминает нам, что мы
живём не в каменных коробках на загазованных душных
улицах, не в уставших от собственного шума городах,
а в огромном мире, раскинувшемся на многие
километры и годы.

Настало ещё довольно светлое ноябрьское утро, и
каждый желающий мог наблюдать великое таинство —
приход зимы. Шёл густой неторопливый снег, и вместе
с ним зима занимала свои позиции, чтобы уже не
уступить их до весны.

* * *

Снег — как во сне,
Сказочном сне о счастье.
Я подарю тебе
Снежное это причастье.

К белизне, копимой веками,
К чистоте, что злата дороже,
К тем, кто сейчас не с нами,
Но с нами не быть не может.

Я оставлю себе
Эту белую боль.
В снежной хрустальной мгле
Не надо играть роль.

Можно уйти туда,
Можно уйти совсем.
Снежная темнота
Спасает от всех проблем.

А остальным отдам
Песню — в ней боль и радость.
Сам не верю словам,
Но это всё, что осталось

От белизны и счастья,
От белизны и боли,

От снежного причастья
И незнания роли.

* * *

Снега, сошедшие с небес,
Молчат о том, что нас тревожит.
Несущий свой привычный крест,
Взять в руки новый крест не сможет.

Нас не спасёт ни Бог, ни чёрт.
Наш выбор — саморазрушенье.
И я, последний взяв аккорд,
Своё признаю поражение.

И замолчу. И по плечу
Не буду хлопать просветлённых.
Я только загашу свечу
И тихо отойду от трона.

Как душно. Слышишь, выпал снег.
И эта тайна нераскрыта.
И новый прорастает век,
Водою талою омытый.

* * *

Боль отойдёт когда-нибудь,
Как бы ни была сильна.
Снег полежит ещё чуть-чуть,
И наступит весна.

Потекут ручьи, как слёзы с лица,
Высохнут они к концу нового дня.
Только старый день ты не забывай,
Не кричи ему вдогонку: «Прощай!»

Я встану рано поутру, выгляну в окно.
Там солнце светит высоко, дарит людям тепло,
И текут ручьи, как слёзы с лица.
Высохнут они к концу нового дня.

Только старый день ты не забывай,
Не кричи ему вдогонку: «Прощай!»
Только старый день ты не забывай,
Не кричи ему вдогонку: «Прощай!»

* * *

Два дня до весны,
От неё не спастись, нет.
Два дня до весны,
До весенних счастливых бед.

Два дня до тепла,
Пусть ещё впереди мороз.
Два дня до тебя,
Даже если ты скажешь: «Брось».

Два дня — и опять
Можно жить, не считая дней.

Всё можно начать,
Если быть хоть чуть-чуть смелей.

* * *

По улицам, по улицам, по узким переулкам,
По площадям, проспектам, по стареньким дворам
Иду, кварталы меряю, встречаюсь с эхом гулким,
С прохожими, спешащими устало по домам.

И парочки влюблённые всё реже попадаются,
И постовые косо взирают на меня.
Шумят машины тише, и ветер унимается,
И тишину ночную, как друга, встречу я.

А утро будет муторным, как будто после пьянки.
Мой день пройдёт бездарно, что толку вспоминать.
А вечером во мраке я подойду к стоянке,
И будут мне таксисты подфарником мигать.

По улицам, по улицам, давно знакомым улицам
Иду, кварталы меряю, почти всегда один,
А если с кем-то вместе, то это позабудется,
И всё пойдёт по-прежнему в гирлянде лет и зим.

Закрываются двери полночью, и окна редко светятся.
Зато в ночи заметнее: огонь ещё не гас.
И нет нужды убогими перебиваться сплетнями,
И не нужны приятели, коль друг не возле вас.

* * *

Где- то я слышал уже эти звуки.
Эта мелодия где-то звучала.
Добрые, нежные, чуткие руки
Мир наполняют тихой печалью.

Сумерки. Мир погружается в темень,
Наши уставшие души врачуют.
Светлой рекой изливается время —
Черпай и пей эту воду живую.

Тени на стенах тоже ожили,
Свет фонарей, тополиная вьюга.
Сколько имён мы уже позабыли,
Но всё не можем прожить друг без друга.

Наша гитара когда-то умолкнет,
Песня забудется, память сотрётся.
Наши дела запылятся на полке,
Только ведь что-то всегда остаётся.

И кто-то скажет — знакомые звуки.
Да, эта музыка где-то звучала.
Добрые, нежные, чуткие руки
Мир наполняют тихой печалью.

КОМУ НЕТ СМЫСЛА ВО ВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ

Земля, ты вертишься, родная,
Хотя, быть может, смысла нет
В том, что закаты провожая,
Ты снова даришь нам рассвет.
Что у одних не только ночи,
Что у других не только дни,
Что боль становится короче
От ускорения земли.

Тот во вращенье смысл не видит,
Кому под лампочкой тепло,
Кому таблетки горьковатой
Хватит, чтобы отлегло.
Тому, кто смысл отрицает,
Кто хочет только тишины,
Кто ночью быстро забывает,
Кто слеп: не видит даже сны.

* * *

Доброе утро всем, кто проснулся, всем,
Кто в процессе взаимной любви остался
в живых.

Любовь принимает здесь довольно
странные формы —
Вот она идёт горлом, вот она бьёт под дых.

Добрый утром, когда мы встречаемся снова,
Добрые люди, что мы можем сказать?
Ты видишь — я улыбаюсь, а что мне ещё
остаётся,
Когда солнце уже растопило дом и мою
кровать.

Мы, словно змеи, меняем кожу и лица,
Но память неприкосновенной остаётся
где-то внутри.
Что всё будет, как надо — не могу поручиться,
Но о том, что всё будет, я мог бы держать пари.

* * *

Всё меньше дней, всё выше плата
За самый краткий миг любви,
И вся больничная палата
Кричит: «Мгновение лови!»

Ловлю, а жизнь идёт на убыль —
Стоят утраты за спиной...
Но, холодея, шепчут губы:
«Люблю, люблю», — тебе одной.

И никакие жизни сроки
Не заслонят высокий миг,
Когда любви одной истоки
Мы честно делим на двоих.

И может, в этом, может, в этом
И суть, и соль счастливых дней...
Душа то вспыхнет ярким светом,
То что-то тихо гаснет в ней.

* * *

Налейте мне отравленного яда
И голову пробейте утюгом.
Мне в этой жизни ничего не надо
С тех пор, как с ней, богинею, знаком.

Погасли звёзды, кончилась картошка,
В прихожей начал заедать замок,
Мой кот едва не выпал из окошка,
И на неделю отключили ток.

Ты вездесуща, всепроникновенна,
Как вспышка малярии и чумы.
Любовь к тебе опасна, как гангрена, —
Она сгубила лучшие умы.

Уж лучше умереть от воздыханья,
Чем жить на этом свете без тебя.
Нет, мне не хватит просто обладанья:
Убью — и ты уж навсегда моя!

* * *

Милая, мы проходим бесследно,
И красное солнце уже садится за море,
Но все слова переводятся как «не бойся»,
А остальное не имеет значенья.
Дай руку мне – и я положу в неё камень,
Он загорится звездой, не знающей смерти.
Забудь меня как можно точнее,
Завтра я расскажу тебе новую сказку.
Спи, милая, скоро светает,
И молящиеся за нас сливаются с небом,
Становится всё прозрачней.

* * *

Этот метод жить состоит из фраз,
Нанесённых на белый листок зимы.
И когда весной ты вспомнишь о нас,
Это будем уже не мы.

Но пока под снегом растёт трава,
Ты рисуешь по насту, как по холсту.
Мой портрет растает, едва-едва
Солнце станет будить листву.

И когда весной растает снег,
Ты не сможешь меня узнать.
Я и так почти что не человек,
Я не помню, как меня звать.

И никто не сможет тебе сказать,
Был ли я, или ты сама
Всё придумала и начала писать
Зимней ночью, сидя без сна.

* * *

Мы становимся мифом, прозрачной тенью имён.
И другое пространство вбирает наши шаги.
И любой из нас – как несбывшийся вещий сон,
Неоконченный жест в пустоте застывшей руки.

Время плавится. Воск подчиняет себе огонь.
Открывается дверь, за которой стоит Оно.
Бьёт копытом оземь его быстроногий конь,
Обещая свезти туда, где уже давно

Симбиоз бессмертья и сна не манит, не льстит,
Затвердевшее слово подобно камню, но злей,
Где Господь милосердный уж навряд ли меня
простит,
Где и ты меня, ему под стать, не жалеи,

А расшторь окно, посмотри, как падает снег,
Как вибрирует свет, золотя его белизну,
Проникая сквозь дымку устало сомкнутых век,
Растворяя в себе твою и мою вину.

* * *

Я пишу эти письма вовсе не для того,
Чтобы ты читала или чтобы что-то сказать.
Просто осень, и воздух начал опять тончать:
Инферальному трудно удерживать статус-кво.

И в пространстве колеблются тени эпох и вех.
И бумага спешит принять на себя вину
За несказанность. Эхо наших утех
Спровоцирует, может быть, мировую войну.

Но сегодня я смотрю на это легко
И пишу о том, о чём бы раньше не смог.
И когда меня спросят, где же живёт мой Бог,
Я возьмусь проводить. Это недалеко.

* * *

Время как воздух,
Воздух, наполненный шелестом трав.
Утром мы сможем узнать,
Кто из нас прав, кто неправ.
Утром мы сможем увидеть солнце.
Утром мы узнаем друг друга в лицо.
Всё, что я мог сказать тебе, было: «Не бойся».
Ночь одевает своё кольцо.

Обвенчанный ночью,
Напоенный светом звёзд —

Мы можем увидеть —
Мир прекрасен и прост,
Отравленный ядом тумана,
Пробитый звёздным дождём, —
Мне кажется
Мы далеко не уйдём.

Тьма над водою,
В гуще там ангелы прячут зарю.
Всё, что осталось,
Я растрянжирю и раздарю.
Плеск воды,
Ветер и скрип весла.
Всё остальное
Вода унесла.

Берег, принявший нас,
Забудет наши следы.
Что же останется? —
Голос из темноты.
Обвенчанный ночью,
Наполненный светом звёзд —
Мы сможем узнать —
Мир прекрасен и прост.

Отравленный ядом тумана,
Свет рождается звёздным дождём.
А мы всё чего-то ждём,
Мы всё чего-то ждём, ждём.

* * *

Смущённый ангел в носках стоит у порога,
Где-то здесь кончается Ойкумена.
И с каждым часом мы погружаемся глубже,
Так что скоро нас станет совсем не видно
Сквозь толщу мутных времён,
Сквозь мёртвую толщу времён.

Трава продолжает расти, ей безразлично,
Какой ты сделаешь выбор и что ты ей скажешь.
Она не станет слушать твоих оправданий.
Она не станет слушать ни до, ни после
Того, как ты выстрелишь себе в спину
И упадёшь на исписанный лист бумаги.

Они произносят слово «шизофрения».
Они говорят, будто что-нибудь знают.
Вот будет смешно, если и вправду
Окажется, что кто-нибудь что-нибудь знает,
Хоть кто-нибудь знает хоть что-нибудь.

Они говорят: «Это всего лишь метод».
Они говорят.. А что им ещё остаётся?
Никто из них не видел, как плавится время.
Никто из них не помнит, как падало небо.
Небо, которое было нашим домом.
Небо, которое стало просто пеплом.

* * *

Круг завершается в сущности
Той же болью,
Только полутона
Немного другие.
Лепестки, сорванные с цветка,
Ветер принёс обратно.
Что это: улыбка или насмешка?

Я возвращаюсь в дом, что когда-то оставил,
И вижу себя.
И я в нём всё тот же,
Но знаю: время
Всё же нам отомстило
За то, что мы жили,
Не уловив его смысла,
За то, что мы жили
С ним слишком запанибрата.

Оно смешало предощущение
Судеб и дуновения
Из пространств,
Где мы были.
Они снятся,
Звуча одновременно,
И каждый раз,
Когда мы собираемся вместе,
Кажется, что грань

Откровенья близка,
Но клешни игрального аппарата
Опять хватают песок,
Не принося заветного приза из темноты.

Есть мнение, что бытие —
Изнанка небытия.
Не вдаваясь в споры,
Смотрю
На проплывающих
Передо мной людей,
Изучаю их лица,
Как рисунок
Контурных карт.
Уже не пытаюсь понять,
Уже не знаю
Значение слова «простить» —
Люблю их, как любят
Цветы на стекле.
Стараюсь не дышать,
Чтобы не растопить
Это чудо...
Открываю окно.

* * *

Уже рассвет, и поздно умирать.
А жить — какая странная затея!
Я выхожу на улицу и знать
Я не хочу, что выйти не сумею.

Из этих полустёршихся миров,
Где каждый новый день с оттенком тлена,
Из этих искорёженных дворов,
Где каждый новый шаг ведёт к измене.

Но кто рискнёт остановить поток,
Ведущий вспять к безмолвью и бессилью?
И мы судьбу читаем между строк,
Страницы отряхнув от древней пыли.

Всё это было, и века подряд
Одно и то же в мире происходит:
Ты подчинишься или будешь смят,
Ты сможешь быть любим или свободен.

Но что с того? Смотри, какой покой
Разлился в этом небе бесполезном!
И ты своей дрожащею рукой
Мгновения бросаешь в эту бездну.

Они мелькают искрами костра,
А небо всё светлеет и светлеет.

И вечность, истончавшая с утра,
Нам ничего советовать не смеет.

* * *

Люди проходят, как сновидения,
В травах высоких ветер гуляет.
Зиму смывают воды весенние,
Воды осенние лето смывают.

Что ж говорить о следах человеческих,
Смятые травы в рост поднимаются,
Сердце усталое без толку мечется,
Время проходит — всё забывается.

Всё забывается, всё растворяется
В толще веков, этом море безбрежном.
В мире подлунном боги меняются,
Боги уходят — где уж нам, грешным.

* * *

Можно быть и не быть.
Можно знать и не знать.
Можно всё позабыть
И сначала начать.

Можно выйти во двор,
А очнуться в норе,
Из июля — в промёрзшем
Насквозь ноябре.

Можно даже разбить
Ускользящий день,
Можно даже допить,
Если будет не лень.

Можно даже уснуть
И себя обмануть...
Но тебя не вернуть
И меня не вернуть.

* * *

В реанимации стерильность и холод.
С этого стола не принято вставать.
Знакомые скажут: «Он был так молод».
Врачи предпочитают молчать.

Старушки в приёмной ждут перестройки.
Анестезиолог вызван в суд.
И лишь обмороженные алкоголики
Тихо лежат — ничего не ждут.

Сегодня ты солидарен с ними.
Сегодня и уже навсегда.
Если бы мы были другими,
Какими бы мы были тогда?

Смотри, люди в белом снимают маски.
Сейчас, вот сейчас мы увидим лица.

Поздно. Стираются, меркнут краски.
Неоновый свет с потолка струится.

* * *

Поле твоё не пахано,
Зёрна твои не сеяны.
Порванною рубахою
Солнечный свет просеивать.

Звёзды считать по осени,
Зимы по тем, что прожиты.
Так по заросшей просеке
Выйдешь ли к свету Божьему?

Выйдешь – так перекрестишься.
Кто там глядит с ухмылкой?
Может быть, смерть невестится,
Может быть, бес с бутылкою.

Только лицо знакомое
И на твоё похожее.
В чём-то – до невесомости,
В чём-то до невозможности.

* * *

Чистый свет струится с потолка,
Запотели окна, а за ними
Ткань, и вязь туманная слегка
Тающих потусторонних линий.

Ты в пространство устремляешь взгляд.
Время – полудикая зверушка.
То прыжок вперёд, а то – назад,
То застынет детскою игрушкой.

И недетских мыслей суету
Остановит, задержав мгновенье.
Кажется, мы смотрим в пустоту,
Только пустота полна видений.

Вот опять гитарный перебор
Мягко льётся, заполняя стены,
И уносит души на простор,
И спасает души от измены.

То слабей с годами, то сильней
И слова меняются, и судьбы.
Только знаю: в круговерти дней
Постоянней ничего не будет.

* * *

И ничего не осталось,
И ничего не пришло –
Только разгул и усталость.
Ночь за окном, темно.

В комнате свет от люстры
Резко сверлит глаза,

Только в далёкой церкви
Потрескались образа.

Потрескалась вера людская.
Вера была и нет, —
Рушилась, замирая,
Не оставляя след.

Всё, что развеял ветер,
Люди не подберут,
И, улыбаясь глупо,
Мимо они пройдут.

Новая вера встанет,
Чтобы разбиться в прах,
Кто-то в себя заглянет
И закричит впотьмах.

Вспыхнет и вновь погаснет
Искорка теплоты,
Кто-то сорвёт и бросит
Выросшие цветы.

И горизонт блистает —
Рвёмся мы все к нему.
Дальше он ускользает —
В вечное «почему».

* * *

Мне скучно и пустынно в этом мире,
Где не нашёл ни Бога, ни себя.
Привычно носится в истерзанном эфире
Мой крик, его вы глушите любя.

Уже сбылись все предсказания и сны,
И сыграны все старые сюжеты.
И двух минут не остаётся для весны,
Но в межсезонье замерла планета.

И никому не выйти из времён,
Где мы себя живых похоронили.
Не вырвется наружу жалкий стон.
И кто же нам поверит, что мы жили?
Никто нам не поверит, что мы жили.

* * *

В тихой комнате с видом на зимнюю ночь
Лишь тени на стенах и бой часов.
Не жду никого, чтобы мне помочь.
Не нужен никто — не боюсь я снов.

А в Поднебесной горят мосты,
Ложится снег на поля,
Замыслы славных мужей чисты,
Но их не держит земля.

Когда-то я так же шёл наугад,
Я и сейчас бы ещё не прочь,
Но сегодня я просто рад
Тихой комнате с видом на зимнюю ночь.

Так бывает всегда — мы идём на дно,
Чтобы тяжесть наших шагов усмирить.
Здесь другим быть не надо, здесь тепло —
Здесь можно даже никак не быть.

В тихой комнате с видом на зимнюю ночь
Я не знаю зачем я и кто такой.
Очень может быть, что меня здесь нет,
Очень может быть — это просто бред,

Всё это я видел когда-то давно.
То, что было — забылось, но ныне точь-в-точь
Я такой же смиренный обрёл покой
В этой комнате с видом на зимнюю ночь.

* * *

За горизонтом, которого, в сущности, нет,
Виден шелест травы, примятой нами.
Если принять за факт,
Что человек — это камень,
Всё становится ясно.
И этот след —
Всего лишь взгляд,

Брошенный за вечность-другую
До эпохи поиска смысла.
Тот, кто родился с мыслью,
От неё и умрёт,
Но здесь, после бессмертья,
Это уже не страшно.
День, что казался вчерашним,
Станет завтрашним.
Так замыкают круг.

Так говорят:
«Всё было совсем не так».
Вот и ты говоришь:
«Это была не трава».
Ты говоришь:
«Трава, дрова, дерева».
Ты говоришь это, едва
касаясь поверхности произнесённых фраз.
Как там у древних:
«Из недр вселенной на горы нисходит мрак».
Это светает.
Мир совершенен,
Но он об этом не знает.
Люди — наоборот.
Проклятый вопрос был снят
Семь месяцев в сторону и назад,
Когда из миллионов возможных
Мы выбрали пейзаж,

в котором всех нас простят,
растерев в порошок.

Прости, если я не смог
Увидеть здесь горний свет,
Я смотрел слишком честно
И в этом лгал...
За горизонтом, которого (правда ведь?) нет,
Светает для нас,
Виден шелест травы, примятой нами.
В загоризонтье не принято быть живым,
Но если принять за факт,
Что человек – это камень,
Можно увидеть,
Как в ущелье стелется дым,
Не умещаюсь в раме.

* * *

Ты гадала на бычьей лопатке
О судьбе срединного царства.
Ты хотела знать, что же будет,
Когда инки возьмут Палермо.
Но скрипнула дверь, и «Кто здесь?» –
Ты в растерянности спросила.
Да, милая, да,
Это я, мастер иллюзий.
Да, милая, да.
Это именно я.

Ты живёшь во дворце из яшмы
И кораллов южного моря.
Ты любишь ночь,
И ночью ты любишь смотреть на звёзды,
Но звёзды сегодня будут
Гореть совсем по-другому.
И это сделаю я.
Я – мастер иллюзий.
Да, милая, да.
Это именно я..

Я тоже ждал,
Взывал и жаждал ответа.
Я жёг вчерашние письма
И после хранил их пепел.
Я создал тебя,
Я мог бы
Гордиться своей работой,
Но я смеюсь над этим.
Ведь я мастер иллюзий.
Да, милая, да.
Это именно я.

Когда я выйду из дома,
Никто не сдвинется с места.
Когда я начну своё дело,
Никто ничего не заметит,
Никто ничего не заметит,

Никто ничего не узнает,
Но небо дрогнет, и вдруг,
Быть может, меня ты услышишь,
Быть может, меня ты услышишь,
Быть может, меня ты услышишь.

* * *

Над всей Испанией безоблачное небо,
А над Россией обложные облака.
Зима грядёт, а лето – это небыль,
Почившая у чёрта на рогах.

А зимы здесь смертельны слишком часто.
Уж нет ни немцев, ни французов под Москвой,
И мы на них надеемся напрасно –
Нам холодов достанется с лихвой.

НАДЕЖДА

Надежда – это когда безнадёжно
Всё, что может произойти.
Надежда – это когда невозможно
И некуда больше идти.

Тогда появляется вновь надежда,
Последний шанс – когда веры нет,
Когда всё прошло, от сапог дорожных
В душе оставляя потёртый след.

* * *

Я разбросан по этим дворам,
По молчащим бессонным квартирам,
И мне кажется, что по ночам
Моё сердце кружится над миром.

Я разбит на осколки любви,
На обломки презренья и злости,
И так хочется крикнуть: «Смотри!»
А кому-нибудь просто: «Бросьте!»

Всё так странно меняется днём,
Только ночи да утра всё те же,
И земля обещает: «Найдём!»
И пробьёмся. И лето поддержит!»

* * *

Нет, не зря я вспомнил то, что было там.
Где тропинок нету – не ожить словам.
Память очищает завтрашний рассвет,
У меня претензий к «солнцу жизни» нет.
Пусть горит поярче, пятен не боясь,
Пятна исчезают – это просто грязь.

Будет новый ветер, вместе с ним и пыль.
Пусть расскажет ветер новой жизни быть.
Только будем трезвы, пред собой честны –
Пыли очень много, боли и вины.

И бывает трудно, и паденья в ряд,
И нам плюнуть в душу часто норовят.

ИСПОВЕДЬ В КУРИЛКЕ

Эх, ребята, ну зачем так строго.
Спирт-технарь — я тоже рисковал.
И плотнул-то я совсем немного,
А потом полдня переживал.

Знать должны: бывает так паршиво,
Просит необычного душа,
Ну а кроме сбора партактива
Здесь же не увидишь ни шиша.

И рука потянется к стакану —
Это ж лучше, чем кому-то в глаз.
Ну а что потом не скажешь спьяну
Про житуху и про всех про нас.

Копшатся пакостные мысли:
Вот начальник — прав он не всегда,
И навряд ли он меня повысит,
Я ж, ребята, не герой труда.

Нет, конечно, он того... достоин,
И, конечно, он того... силён,
Много раз чего-то удостоен
И в словах мудрёных первый он.

Без него б мы разве догадались
Свет гасить, с работы уходя?
Без него б мы все проворовались —
Он соблазн сей принял на себя.

Вы же понимать должны, ребята,
Это я, конечно, перегнул.
Наш начальник, он мужик что надо.
Просто в голове от спирта гул.

ПЬЕРО И МАЛЬВИНА ИЗ СПАЛЬНОГО РАЙОНА

Усталые Пьеро расходятся с работы.
Заходят в магазин, спускаются в метро.
Обшарпанный подъезд, привычные заботы,
А под лопаткой жжёт хозяйское ярмо.

Мальвина у плиты пытается согреться,
Но чайник не кипит почти уж полчаса.
А на лице следы и старости, и детства,
А на столе портвейн, картошка, колбаса.

И говорит она Пьеро, чтоб вымыл руки,
А там скорей за стол, а то небось продрог..
И новые долги, и старые разлуки
Пытаются они забыть на вечерок.

И тишина. Порой лишь только звякнет вилка,
Да иногда чуть-чуть забулькает вино.
А всё же здесь тепло, и стол, вина бутылка,
А за окном ноябрь: и страшно, и темно.

И думает Пьеро: «Не всё ещё пропало.
Лишь зиму как-нибудь бы надо пережить.
А там — опять весна, и всё опять сначала,
И можно, как и встарь, смеяться и любить».

И глядя на него, Мальвина улыбнётся:
«Конечно, он чудак, нелепый и смешной,
Зато душа добром вся светится, как солнце.
Ну что ж, давай ещё по рюмке... по одной».

* * *

В асфальтовом раю
Резвятся лимузины,
Благославляет их ментовская рука.
По улицам идут влюблённые грузины
И девок молодых хватают за бока,
И девок молодых хватают за бока.

О как прекрасна жизнь
В своём многообразии!
Подземный переход, сортир, а вот ларёк.
А вот и я иду, иду из грязи в князи
Обычный супермен, апостол и пророк,
Обычный супермен, апостол и пророк.

ШАХТЁРСКИЙ СЕВЕР

Эта местность способствует росту цен,
Безразличью во взгляде, тяге на юг.
Эта местность способствует пустоте,
Завершающей свой безупречный круг.

Мы, мы! Идущие вечно сквозь
Неизвестно что, неизвестно как.
Мы, мы, скорчившиеся поврозь,
Очумевшие от бесполезных драк.

Заведя привычки, семью, гастрит,
Начинаем думать, что мир не нов,
Только в воздухе то ли туман висит,
То ли дым какой, то ли крик без слов.

Но нельзя спокойно смотреть в окно,
Где рисунок из рам образует крест,
Где гардин истончавшее полотно
Претендует быть символов этих мест.

Если ты не признался, что ты дурак,
И назвался груздем, полезай туда,
Где бесстыдно голые провода
Претендуют быть символом этих мест...
Там тебе уже приготовлен крест.

ОТ НАС ТАКОЙ ГУЛ СТОИТ

Да, мы своё слово скажем,
Но тогда, когда все вокруг закричат,
И правоту дела павших докажем —
Тех, кого не вернёшь назад.

Если старое выбивают клином,
Почему бы не постараться
И не дёрнуть кого-нибудь за штанину,
Только самому бы не замараться.

Что говорите? Сами там были
И славили этих вот уходящих?
Ложь, клевета — мы с ними не пили,
В борьбе потеряли друзей настоящих.

Нет, это враки, что друг перед смертью
Нас проклинал и звал подлецами.
Наша совесть, вы уж поверьте,
Не блеск, но сводила концы с концами.

И мы теперь на коне прогресса.
Скачем, топча сорняки и прочих.
Нам по душе с критикой пресса,
И мы понимаем своих рабочих.

Нас много, намного больше, чем кажется,
Чем кто-то, неосознавший, думает,

И наша масса в прогрессе скажется.
Это от нас по земле такой гул стоит.

* * *

Не дари мне надежду, она убивает последней,
Когда смерти другие уже пережиты давно.
Их усталые ангелы курят, столпившись в передней,
И приказ забирать не дают. Разлетелись бы, но
Знают, чувствуют: где-то в глубинах сознания
Остаётся надежда — лекарство, которое яд.
Та свеча, от которой сгорают дотла мироздания.
Остаются. И мнутя в проходе. И курят. Молчат.
И последний приходит. И смотрит в глаза.

И смеётся.

И любому понятно без слов: он пришёл за своим.
В этом мире надежда, увы, просто так не даётся.
Так всегда — либо ею любим, либо Богом храним.
Всё дари, что захочешь, но только надежду

не надо:

Авторучки и книги, безумие или покой...
А надежду оставь за оградой вишнёвого сада,
Безнадёжно замёрзшую прошлой зимой.

РАЗГОВОР С ДЕМОКРАТОМ ПРОЛОГ

Товарищ демократ из Моссовета,
Давай со мной пройдемся по Москве.
А ну их, заседания и сметы, —
Мы встретимся в Арбатском закутке.

Смотря на озабоченных прохожих,
Бегущих по неведомым делам,
Давай с тобой отправимся мы тоже
По прошлому неведомым волнам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Нежданно в нашем городе случается весна.
Не сразу мы поверили, но это было так:
Как бабочки, по улицам порхали любера,
И девочки любили всех всего за четвертак.

Ах, жизни пробуждение, ах, что за наслаждение,
Эй, человек с гитарою, иди сюда и пой!
И малость опьяневшее народонаселение
Вылазило на улицы огромною толпой.

Конфеточки-бараночки, художнички, тусовочки,
Поэты не маститые, но горло – будь здоров,
И в целом незабвенная о чудо обстановочка –
Вовеки не забуду я блаженных тех деньков.

Но менестрели фиговы напрасно трепыхались,
А власти долго думали, а власти совещались
И всё-таки надумали: под корень эту мразь.
Ведь супротив милиции с гитарой не вылазь.

А нынче жизнь спокойная, без лишнего движения,
Без перенапряжения, без всякой новизны.

Пенсионерам нравится такое положение,
Но вот куда мне всё-таки деваться от весны?

ЭПИЛОГ

Товарищ демократ из Моссовета,
А шёл бы, брат, ты в Люберцы гулять.
А ну их, заседания, наплюй ты, брат, на это:
Пойдёшь – и не придется заседать.

Но страх в глазах у Вас мы прочитали,
Вы в ужасе от слова «любера»,
А Вы ментов приличных когда-нибудь видали?
Не зря же их в народе прозвали «мусора».

Любезный демократ из Моссовета,
Вы знаете, как косточки хрустят,
Или узнали только из газеты
В статье «Их нравы» пару дней назад?

ПРОДОЛЖИМ РАЗГОВОР

Теперь что хочешь говори... но все-таки не очень.
А почему лишь стрелочник рискует головой,
И где верней братаются наш инженер с рабочим:
В очередях за водкою иль финской колбасой?

И вновь, как встарь, отдельные загибы
Еще не перестроившихся лиц
Мешают наблюдать «ОГРОМНОЕ СПАСИБО»,
Летящее над вами выше птиц.

* * *

Хорошо бы успеть до заката
Так прожить, чтоб потом не жалеть.
Испытать всё, что было когда-то,
Свой куплет в этой песне пропеть.

Только много дорог на планете,
И не все из них в Рим приведут.
Очень жаль, если где-то в кювете
Вас однажды лежащим найдут.

Мы терпеть не умеем, и всё же
Слишком долго мы терпим порой
И, терпя, забываем, что может
Середина не быть золотой.

Меж землёю и небом повисли
И распяли себя под дождём,
И глядим мы в туманные выси,
И чего-то далёкого ждём.

НОЧНОЕ РАДИО

Бездорожье в душу, я не скрою,
Ночью передача принесла —
Обо всём, что было не со мною
И со мной не будет никогда.

«Сила, море, нежность и надежда,
Есаул, извозчик, Магадан,

Город древний, новый. Как и прежде,
Озорной московский хулиган».

Я себе и верю, и не верю,
Отрицая всё и всех подряд,
Но когда открою чувствам двери,
Раз за разом фальшь находит взгляд.

* * *

Гитаристы, гитаристы,
По России, по России,
По колено в нашей грязи,
Да по пояс в облаках.
Гитаристы, гитаристы,
Ваша слабость в вашей силе —
Лишь сыграли б, лишь бы спели
Нашу боль, любовь и страх.

Гитаристу всё простится.
Замелькают песни-спицы,
И помчится колесница
К горизонту на осях.
И кому какое дело,
Что с наездником случится —
Где уж тут остановиться
На таких-то скоростях!

Каждый знает свои песни,
Что, плохая? — Пусть сгорает.

Песню не измеришь мерой
Славы, ругани, хвальбы.
Гитарист, ты остаёшься
Сам с собой, но не один ты –
Слышишь где-то раздаётся
Звук серебряной трубы.

Это плата за возможность
Жить и спеть о чём-то большем
И дышать полней и глубже,
И пространства открывать.
Это плата за возможность
Позабить про осторожность
И, желая ль, не желая ль,
На чуть-чуть героем стать.

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

Город, в котором в церквях склады
И в каждом звуке отголосок войны.
Город, где с помпой проходят парады
И перемирия запрещены.

Город, съедающий сам себя,
Город, сплошной постоялый двор.
Здесь каждый живущий ищет тепла,
А получает выстрел в упор.

И свято место пусто давно,
И многие рвутся его занять,

Но большинство – выжидает оно,
А в одиночку святым не стать.

Многие бегут, но это не путь.
Многие ждут, но это не жизнь.
Многие верят во что-нибудь,
Но не знают где верх и где низ.

И я не знаю, что ближе мне.
Я хотел бы пройти не так, как они,
Но каждый уверен в своей правоте
И видит свои огни.

СОН: «ДЕМОКРАТЫ СМЫЛИСЬ, СЛЕДЫ ОСТАЛИСЬ»

Я вижу руины земных городов,
Где в треснувших стенах – ростки молодые,
Где ветер гуляет в колодцах дворов,
А в воздухе – запахи жизни хмельные.

Уже сквозь асфальт прорастает трава,
Ржавеют останки ненужных машин,
Людские следы позабыла земля,
И кошки гуляют в проломах витрин.

В метро тишина узелок завязала,
В проломах стеклянная крыша вокзала.

Между смертью и сном
образуется лёгкий зазор.
Я бы вышел на связь, да боюсь —
похвалиться мне нечем,
И в шифровках из центра всё
явственной слышен упрёк.

Я агент сам себя, был заброшен
сюда по ошибке,
А радистку мою повязали и выслали
прочь.
Устарели инструкции, планы туманны
и зыбки,
И спецслужбы мои мне, похоже,
не в силах помочь.

А вчера я полдня простоял
на условленном месте.
Только снег, только слякоть
и гарь, и потоки машин.
И меж кадров и слов в передаче
последних известий
Совершенно отчётливо:
«Ты остаёшься один».

* * *

В поезде несколько человек,
В вагоне уже никого.
Лёгким движением век
Открываю ночное метро.

Не понравится — можно снова закрыть.
Мешает лишь стук колёс,
И ясно: «быть или не быть» —
Ответ, а не вопрос.

Этот ритм у меня в крови,
Я вдыхаю его каждый день.
Он снаружи и он внутри,
Он лишь на ночь уходит в тень.

Кто-то ищет в нём смысл, кто-то закон,
Кто-то просто спокойно спит.
Но пока я один, пока пуст вагон —
Это музыка в стиле «бит».

И я слушаю сэйшен ночной в метро.
Я за всё отдаю пятак:
За себя, за музыку, за тепло,
За желтеющий полумрак.

* * *

Вы пугали меня завтрашним днём,
Хотя знали о нём вдвое меньше, чем я.
Вы боялись, что нас выжгут огнём,
Я знаю — есть вещи пострашнее огня.

Если говорить, то говорить до конца —
Я не верю в помощь с той стороны.
Я не верю в раскаяние подлеца,
И лишь вера в себя не имеет цены.

* * *

Когда всё кончено,
назад не возвращайтесь —
Не принимают люди беглецов.
Когда всё кончено,
со счастьем попрощайтесь.
Не наступил для вас
конец концов.
В тьму лица уплывают
безвозвратно,
Уносит каждый
что-нибудь своё,
А я унёс мечту: «Вернуть
бы всё обратно»,
И с добавлением: «Потеряно
не всё».

ГУЛЯЙ НАПРОПОЛУЮ

Похмелье будет завтра. И тянется игра
До самого рассвета, и опасений нет.
Сегодня мы отколем такие номера,
Что завтра не поверят — скажут бред.

Гуляй напрополую — проклятья за спиной,
Но все они дневные, а ночь летит, трубя,
И королева бала танцует лишь с тобой,
И все дома и души открыты для тебя.

* * *

Где вы, рок-мальчики 70-х годов?
Джинсы потёртые вроде сегодня не в моде.
Кто-то напротив упорно заводит битлов,
заводит битлов —
Только битлы вас уже столько лет не заводят.

Город из миражей
Пуст, все разошлись.
Он снова ничей, ничей —
Чей-то странный каприз.

К «харду энд хэви» в своём большинстве
равнодушны,
Только скрипач перешёл на «Брэйк-данс»
и «Волну».

Душно! В прокуренной комнате дьявольски душно,
И кто-то пилит и пилит на первом ладу.

Город из миражей
Пуст, все разошлись.
Он снова ничей, ничей —
Чей-то хрупкий каприз.

Вот уже «Роллинги» — ретро,
и классика — «Панки»,
Вот ваши дети танцуют опять рок-н-рол.
Встретивши старых друзей, после лёгкой заминки
Вы приглашаете молодость встретить за стол.

Город из миражей
Пуст, все разошлись.
Он снова ничей, ничей —
Чей-то странный каприз.

Чинно беседу составив из взвешенных слов
О перестройке, о ценах, о снах, о погоде,
Слышите, кто-то напротив заводит битлов,
Только битлы вас уже столько лет не заводят.

Город из миражей
Пуст, все разошлись.
Он снова ничей, ничей —
Чей-то старый каприз.

* * *

С утра была весна, а к ночи осень,
И ветер выметал весны следы.
Свинцовым чем-то наливалась просинь,
И город пил настой из темноты,
И новой жизни смутные мотивы
Звучали всё яснее и смелей.

* * *

Догорают оплывшие свечи —
Им уже не дожить до утра.
Как бы мы не казались беспечны,
Но и нам расставаться пора.

Как бы мы ни тянули прощанье —
Вот он выход... но выхода нет.
Подари мне минуту молчанья
По однажды ушедшим в рассвет.

Подари мне минуту на память,
И, дай бог, будет долгой она.
А сегодня не будем лукавить:
Всё что было — допито до дна.

ЗА ВСЕХ

Если здесь тебе уже ничто не светит,
Уповай на новые огни.
Если на вопрос твой даже дьявол не ответит,
Так молчи и прочих не кляни.

А бывает даже нет вопросов —
Просто всё не так и не попад,
И огни, горящие без спроса,
Больше совершенно не манят.

Нам не сомневаться в самом главном,
Потому что просто его нет.
Жизнь идёт размеренно и плавно.
Изредка рванём, теряя след.

А потом нас кто-то успокоит,
Скажет: «Все же, видишь, так живут.
Так что, знаешь, маяться не стоит,
И себе дорожке — не поймут».

А я всё бьюсь в невидимые двери
И буду биться, если буду жить, —
За всех, кто достучаться не успели,
Для всех, кто их хотел бы приоткрыть.

* * *

Это не горы взметнулись к закату —
Это клубятся вдали облака.
Это не я срываюсь со ската —
Это другой, неизвестный пока.

Кто-то другой обошёл полпланеты,
Кто-то другой обжигает сердца.

Вот и сейчас он сражается где-то
Без лишних расчётов и до конца.

А я набираю цифры на диске,
В уме подбираю слова нелегко,
И снова ненужные люди близко,
А нужные далеко.

Где же вы, гении дальней дороги,
Что же проходите мимо?
Может, наших квартир пороги
Стали непроходимы?

* * *

Мы все учились читать подтексты
И гордились этим уменьем,
Но мне надоело это бегство,
Названное кем-то отступлением.

Есть вещи, которые нужно «просто»,
Есть вещи, которые нужно «громко»,
Есть вещи, с которыми будет «поздно»,
Если надеяться на потомков.

* * *

Мы дети кошмарных снов, которые были явью.
Мы дилетанты, но любили косить под «профи».
Если копить боль, она любого отравит,
Но я не могу петь, пока вижу твой профиль.

В этом городе одни тупики.
Этот город построен тобой,
И в нём куда ни беги —
Всё кончается глухою стеной.

В тупиках довольно тепло,
И меня здесь навещают друзья.
Можно даже на жизнь смотреть, как в кино,
Можно всё, лишь уйти отсюда нельзя.

Кто здесь мёртв, кто здесь жив — я понять не могу.
Может, эти живые, кто спят на бегу?
Может, эти, кто мёртвый мурлычат мотив,
Все слова из него растранив, забыв?

За себя не ручаюсь, я тоже из них —
Слабо бьюсь о стекло навалившихся стен.
Мой усталый, на рифмы натянутый стих
Весь пропитан отравой мелких измен.

Не надеюсь очнуться, но чувством шестым
Осязаю и слышу проломы в стене.
Так всегда! Тот, кто должен пробиться к живым
И помочь остальным — помогает себе.

СВОБОДА – ЭТО РАЙ

Свобода — это рай, оплаченный другими,
И не всегда поймёшь, кем именно и как.

На собственном суде мы все укору примем
И только там поймём, что нам был подан знак
Уже давным-давно, а мы не замечали...
И жили, как жилось, плутая в трёх соснах,
И новые удары всё также получали
С вопросом «почему», застывшим на устах.

Я прожил столько жизней,
Что из них одну мне не сложить.
Они, как свет изломанный, играют и струятся
Сквозь грани хрустального шара.
Я, забывший о прошлых временах
И о своём бессмертии картонном,
Плутаю в именах, как в бурунах
На море в шторм и у подножья трона,
Где восседает непонятный Бог.

Пытаюсь оживить слова немые,
Но кто-то внёс за них уже залог
И требует большие откупные,
А сумму мне никак не накопить.
И я ворую, но Господь на страже:
«Ты всё ищешь завершения,
А завершения нет, как нет,
И новое в крови томленье —
Ты пары слов не смог связать».

Сложилось столько жизней,
Что из них одну мне не сложить.
Лишь вороном над убранныю пашней
Кружить и под осенним небом ворожить,
И зиму кликать, Господу служить
Беззвучно, незаметно, лишь молчаньем.

* * *

Ох, сильна ты, видать,
Всероссийская статья —
Твоя слава горит не сгорает.
И правитель родной
Управляет страной,
Где счастливый народ вымирает.

Вот и поле чудес,
И червонцы растут —
Вековая мечта обрусевших евреев,
А червонцы растут,
Ну а их всё не жнут:
Все ушли воевать за Рассею.

Мы святых вознесём,
Мордой ткнёмся в навоз
И до слёз умилимся такому контрасту,
А на Пасху Христа
Поцелуем враспашку,
Вспомним про православное братство.

Что ж, и сам я такой,
Тоже глотку деру —
Столько жизней прожил не по средствам,
И в дурдоме любом
Я всегда ко двору,
И лишь боль я храню, как наследство.

Упаси нас Господь
От Российской чумы —
В рваных душах гнездится отравка.
Мы ушли от избы —
Не уйдём от судьбы,
Она свыше досталась по праву.

* * *

Человек, улыбнись, не бойся
Ни зеркал, ни насмешек чужих.
Я хочу научить тебя верить
И в себя, и, конечно, в других.

И пускай не под силу работа,
Не один я, хотя одинок:
И хоть долго стоял у порога,
Не шагнуть в эту дверь я не мог.

Здесь сверхновые звёзды тускнеют,
И почти не заметен костёр,
Но пусть ветры Вам с моря веют,
Вы сказали ещё не всё.

* * *

Ближе к осени
 время становится как будто прозрачней.
Выходя за калитку, ты можешь увидеть себя,
Выходящего за калитку.
В слове «дребезги» есть что-то не то,
Но нужного всё-таки больше.
Итак,
Столетия, совсем как хрустальные «дребезги»,
Светятся под лунным дождём.

Я могу спокойно смотреть в глаза
Тем, кто смотрит оттуда
Пронзительно и безнадёжно.
Возможно, мой взгляд в пустоту
Встречается с чьим-то взглядом.

Теперь, когда это не нужно, я умею держать удар.
Что не спасает, впрочем,
От боевой колесницы,
В двадцатом веке называемой танком.
Что уж говорить о колеснице судьбы.

* * *

Я иду по дорогам изъезженным.
Мне легонько кивает листва.
И шепчу я кому-то: «Ну где же вы?»,
И слова заматают слова.

И сполна всё по счёту уплачено.
Нет ни денег, ни времени нет,
И надежда в дороге утрачена,
И оторван последний билет.

Хоть вернуться пока что возможно,
Возвращаться уже ни к чему.
Да и не к чему – холод дорожный
Встретит нас в опустевшем раю.

Бог с ним, с раем, нас редко пускали
В золочённые чудо-врата.
Мы не в нём своё счастье искали,
И не в нём нас настигла беда.

Но ржавеет уставшее сердце,
В унисон отказавшись стучать,
И так нужно вокруг оглядеться,
И успеть, и найти, и понять.

И хоть раз не вернуться обратно
На постылый пустующий двор,
Где звенит колокольчик набатно,
И хоть раз отменить приговор.

НАМ ЛУЧШЕ ЖИТЬ

Говорят, что стали жить мы лучше,
Говорят сбываются мечты.

Завтра позабудется попутчик,
За собой сжигающий мосты.

И сегодня мы почти спокойны,
И опять хватает нам огня.
Это то ли солнце, то ли войны
Топят льды у носа корабля.

Будто бы не рвали рядом парус,
А потом не штопали назад,
Будто бы отчаянное «каюсь»
Прозвучало вовсе не для нас.

Словно бы иконы – это вера,
А слова и есть уже дела,
И как будто это лишь химера –
Всё, что не зависит от тебя.

Словно «враг» синоним «оппоненту»,
А «чужак» – так это навсегда,
И важней дороги – монументы,
И нужнее правды – ордена.

Это глупость, что живём мы лучше –
Просто больше права «повторить».
Духом вы не падайте, попутчик,
Что бы ни случилось – лучше жить.

* * *

Мы живём в городах, построенных не для нас.
Они дарят нам любовь прозрачнее льда.
Я смотрю сквозь неё и читаю обрывки фраз,
Занесённых ветром из непрожитого дня.
Я смотрю сквозь неё и читаю обрывки фраз,
Занесённых ветром из непрожитого дня.

То, что вижу я, не произносится вслух,
Но я буду молчать, боясь изъезженных слов.
Если ты мне предложишь выбрать одно из двух,
Я, конечно же, выберу только одну из трёх.

Ты зовёшь меня в путь, хоть знаешь – дороги нет,
Что ж, так было всегда – мы не верим самим себе.
Наше счастье услышать скрип из сорока карет
И забыть, что они лет сто как тлеют в земле.
Наше счастье услышать скрип из сорока карет
И забыть, что они лет сто как тлеют в земле.

Даже боль не мешает нам быть героями дня,
Наша боль помогает нам казаться собой,
Но как только мне разрешат, я забуду себя,
Но с каким наслаждением я сыграю отбой.
Но как только мне разрешат, я забуду себя,
Но с каким наслаждением я сыграю отбой.

ВЫ ЕЩЁ НУЖНЫ ЗДЕСЬ, МАЯКОВСКИЙ

А вы ещё нужны здесь, Маяковский.
Пускай бы вас печатали с трудом,
Пускай бы вас стегали словом хлёстким,
Хрусталь стихов – отбойным молотком.

Но вы б собрали дней многоголосье
И мелкие толчки в один удар.
И зашумели строчек бы колосья,
И выветрился б винный перегар.

Но слишком быстро застывает мрамор,
И бронзы многопудье как ярмо.
Стоите вы... Людской проходит табор –
Порхают взгляды вольно и легко.

Рожденья, смерти даты – всё стирается,
Но вы навеки – в тех больших годах,
И ваш огонь сквозь реки лет врывается,
Бушует в наших новых городах.

Туберкулёз положен на лопатки,
И проституток сразу не найти.
Друзья в избытке и почти в порядке,
И страх блокад оставлен позади.

Но вы б ещё, ей богу, пригодились.
Пускай бы вы печатались с трудом,

Вы всё начать сначала б согласились,
Не отложили б совесть на потом.

* * *

В этом мире продувные ветра,
Круглый год здесь только осень одна,
В этом мире нет друзей и тепла,
Я вчера зашёл случайно сюда.

Я зашёл и бросил якорь на дно
Чёрной речки, уносящей листву,
Я зашёл, и мне всё равно.
Я отсюда никуда не уйду.

Нет границ у этих пасмурных вёрст.
Я дождусь здесь шальную весну,
До неё я как-нибудь дотяну,
Если здешний хлеб ей не слишком чёрств.

ВЫСОЦКОМУ

1
Нет тебя, и поют нам другие,
Выдавая за песни свою болтовню.
Нет тебя, и, как пули шальные,
Твои песни всё реже я встретить могу.

И слетают с экрана лубочные трели,
Врут гитары слащаво, безбоязно врут.

Но не спрятать под серой кирпичной
шинелью
Ни сердец, ни того, что взамен нам суют.

Одинокое солнце сорвалось с востока
И по небу пошло, набирая разбег...
На земле потеплело, пускай хоть немного.
Не с вершин ли твоих сполз подтаявший снег?

2

Гремит набат людских колоколов,
Как часто он сбивается на лязг,
Как редок звон разбившихся оков,
Как много лишних слов, шагов и дрызг.
Но, впрочем, это всё сплошной припев –
Без песен мир стоит оторопев...

САШЕ ЧЁРНОМУ

Революция, агитация, эмиграция –
Всё впереди,
А сегодня тускнеют дни
И режет слух слово «нация».

А ты говоришь: «Весна возвратится»,
И даже не знаешь о чём.
А время мчится, всё время мчится,
И льются часы дождём.

Революция, агитация, эмиграция –
Всё впереди,
А сегодня тускнеют дни
И режет слух слово «нация».

А ты проклинаешь обыденность дней
За несколько дней до расплаты,
И те, кого вздёрнут на рее,
Не знают, что виноваты.

Революция, агитация, эмиграция –
Всё впереди,
А сегодня тускнеют дни
И режет слух слово «нация».

А ты считаешь любовь счастливой,
Красивою быть должна,
Но ненависть копится, копится в мире,
И вырвется скоро она.

Революция, агитация, эмиграция –
Всё впереди,
А сегодня тускнеют дни
И режет слух «аттестация».

А за несколько лет до расплаты
Счастья хотят и дела
Те, чьи предки делились когда-то
На красных и белых.

ДОМ ЕЩЁ СТОИТ

Я этот дом искал в покинутой Москве.
Она сменила лик с тех пор, когда Воланд
Покинул город мой, кочуя по земле
И применяя свой живительный талант.

А дом ещё стоит, раскрыв глаза окон,
И, вглядываясь в нас, зовёт опять прийти.
Но соблюдает жизнь свой основной закон:
Не возвратиться дням, как страстно ни проси.

А мы всё ждём и ждём — появится мессия,
Он сможет зачеркнуть банальность этих фраз,
И, кажется, уже светлей в тебе, Россия,
Как будто смысл есть какой-нибудь у нас.

Как будто, если свет, то это кто-то ждёт,
И ночью первый снег вдруг выпал неспроста,
А на снегу свой след оставил чёрный кот,
И рукописям впрямь не страшен жар огня.

Бьёт полночь... Наплевать на выводы дневные.
Вокруг темно... Меня спасает лишь одно:
Дом из морей московских шлёт мне позывные,
Что Мастер жив и Маргарита ждёт его!

ПОСВЯЩЕНИЕ ГИТАРЕ

Звенит гитара, песня льётся,
И наплевать, что поздний час.

В сердцах так мало остаётся,
Зато гитара есть у нас.

Мы в старой песне същем лето,
Когда наступят холода
И приготовится планета
К решенью зимнего суда.

Ещё чарующие струны
Со звоном бьются под рукой,
Ещё в бессонной ночи лунной
Ручаться можно головой

За что-нибудь и за кого-то,
А иногда и за себя,
За неизбежность поворота
От темноты к началу дня.

А на столе лишь хлеба крошки
И недопитый кем-то чай,
И мух последних ловит кошка,
И из-за стенки нам стучат.

Ну ладно, время расходиться.
Нет, ты меня не провожай,
Ещё нам встретиться случится,
Но времени не назначай.

Оно придёт, быть может, завтра,
А может, через много лет.
Как часто неизвестен автор,
Но долог в душах песни след.

И по следам по этим старым
К тебе дорогу я найду.
Ты только не бросай гитару,
И я к тебе приду.

ТЫ МЕНЯ НЕ ЖДИ

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза,
Только никогда уже на море
Не поднять большие паруса.

А моря на самом крае света,
И до них почти-что как до звёзд.
Всё быстрее кружится планета,
Выбивая пыль из-под колёс.

Заставляя нас вгрызаться в землю
И даря пьянящие дожди.
Бригантина в гавани задремлет,
Бригантина, ты меня не жди.

Не хочу срывать я паутину
С заржавевших, запертых замков.

Не сыграет ветер андантину,
Завывая призраком штормов.

Я – авантюрист, но только дома.
Разменяв остатки светлых чувств,
Выгнав надоевшую истому,
Я опять по городу мечусь.

Ничего не вытянуть из сердца
И подводит память-егоза.
Так что, коль услышите, не верьте
Будто поднимают паруса.

Надоело говорить и спорить,
Да и не с кем спорить мне всерьёз –
Далеко разбуженное море,
И не страшен рокот близких гроз.

НОВЫЕ ПЕСНИ ИНТЕРЕСНЕЙ

Прощайте, уснувшие ветры,
Прощайте, застывшие реки.
Прощайте, забытые Богом
И те, кто у Бога в чести.

А мы ещё встретимся, видно,
Но всё же прощайте навеки.
Вы были нужны на привале,
Но с вами пути не пройти.

Сжигайте опавшие листья,
Забудьте уставшие песни.
Мы новые песни напишем,
И снова сады расцветут.

А новые песни на новом привале —
Они интересней, из сердца растут.
И старой весенней заменишь едва ли
Ту песню, с надеждой которую ждут.

И новые звёзды, сверхновые звёзды
От старости нас берегут,
И нас убеждают, что вовсе не поздно
Покинуть тоскливый уют.

* * *

*Сады цвели весной,
Как это быть должно,
И трудно было их
Надолго покидать.*

И вроде бы всего — ну несколько часов,
И солнце шпарит нас и мокрую траву,
Но не видать уже весенний дым садов,
И не похож мой путь на взлёта полосу.

Я обернулся вслед умчавшимся ветрам
И, может быть, вернусь, наверняка вернусь,

И я ещё пройду по вспаханным полям
И до лесных дорог, наверно, доберусь.

И осень, и зима пройдут, сменив посты.
И снова из грязи пробьётся вверх трава,
Но только здесь не мы, и там уже не ты.
И рядом для тебя уже не я.

В одном саду на пнях следы от топора
Ещё свежи и срез ещё не потемнел,
И здесь последний лист уносят прочь ветра,
Он даже и упасть на землю не успел.

Как долго я искал другой забытый сад,
И лгали карты мне отчаянно в лицо.
Его с трудом узнал и был не слишком рад
Местам, сменившим лик как будто бы назло.

Мы в третий сад пришли глубокою зимой,
И новогодний вальс кружился средь стволов.
И веткой отвечал он, треснувшей, сухой,
На фейерверк огней и гомон голосов.

* * *

Ты пишешь мне: «Идут дожди»,
Ты пишешь: «Жди», ты просишь: «Жди»,
А здесь у нас жара и без осадков.
На небесах сухой закон,

И поломался телефон,
И деньги брошены на ветер
 без остатка.

Ты вспоминаешь старый дом.
Мол, как уютно было в нём,
А дом снесли и строят автостраду.
Ты пишешь мне, как славно жить,
Коль есть всегда кого любить,
А я пишу, что это бред и врать
 не надо.

Ты хвалишь мне мою родню —
А я её во всём виню.
Опять ты пишешь невпопад.
Ну что такое?
Ты пишешь: «Встретиться бы, а?»
Я отвечаю: «Не судьба.
Я очень занят, и мне хочется покоя».

Теперь у нас с небес потоп,
А я сижу и морщу лоб,
И ты не пишешь, или почта барахлит.
А я ругаюсь: «Вот дурак.
Зачем я так, ну что ж я так?»
И то же самое мне дождик говорит.

* * *

Когда поезд врзается в ночь,
Разбросав огоньки домов,
Всё так просто и ясно — прочь
Улетает тоска из снов.

Капли света и снова тьма,
А уверенный стук колёс
Нам простые шепчет слова,
Чтобы ветер их вдаль унёс.

Нет вопросов и нет дней,
И не ясно какой век
Нас несёт по воде огней,
На ходу ускоряя бег.

А вокруг земля и земля
Без названий и без границ,
Без дорог, которые «зря»,
И без ждущих чего-то лиц.

* * *

В кубометре пространства затихла ночь —
Неумолимое пятое время года.
Её фонари тусклы, в её трюмах течь,
В её транскрипции «смерть»
 читается как «свобода».

МЕЧТА

- А помнишь?
- Не помню.
- А знаешь?
- Не знаю....– Смотри, они уплывают.

А утром хозяева проснутся.
Глаза пусты, но день-то забит,
И самые умные усмехнутся.
Горечь, но повод забыт.

Даже тот, кто в жизни не верил
Ни во что и тем более никому
И знал цену своих намерений,
Всё же когда-то имел мечту.

– А помнишь? Но безнадёжно уплыли.
Очень хотел бы я, чтобы
Хоть когда-нибудь и к каждому
Вернулась его мечта.

КРАТКОСТИШЬЯ

Музыка без слов
Вновь звучит вдали,
И закон таков –
Вслух не говори.

Музыка не лжёт,
Ложь – людская дочь.
Кто-то запоёт –
Ты ему не верь.

Я отмеряю жизнь по песням, как по датам,
В них всё – и оправданье, и вина.
Бегут куда-то звуков перекаты,
И я живу, пока звучит струна.

Сбиваются ноты, и рушатся ноты.
Сметает пороги дыханье веков,
И славой своею рискуют пророки,
И солнце рождается в войнах годов.

Мы говорим на разных языках –
Три сотни слов в ненужном словаре.
Ведь дело-то, наверно, не в словах,
Скорей всего язык твой не по мне.

Так что я ценю в словах?
То, что их можно забыть,
И они останутся там,
Где мы оставили их на своём
единственном месте.

* * *

Бездонна высота распахнутого неба,
И затерялся Бог, неверием распят,
А чудаки всё спорят: был он или не был,
Уже две тысячи бесспорных лет подряд.

* * *

Колумбы мутных дней, плывём, чтоб кануть в Лету,
По древнему пути без всяких маяков,
А дураки всё также верят в эполеты
И в бесполезный блеск начищенных клинков.

* * *

Засыпаю в надоевшей комнате,
Посреди учебники разбросанные.
Ничего хорошего не помнится,
И никто не ломится с вопросами.

* * *

Пришла зима, и вся земля в ознобе,
И скорый поезд мчится сквозь метель,
А вы лежите пьяненький в сугробе,
И вам квитанции не нужно на постель.

* * *

Всё знакомо, только не моё,
И затёрты чувства между строчек.
Всё застыло, треснуло перо
От стихов, которые не очень.

* * *

Ночью по речке плывут мечты
мимо домов, мимо спящих камней.
Без дневных слов
Они смелей и светлей.

* * *

Бог в нас, а в ком ему быть ещё...

* * *

Казалось, жара поглотила город,
И в мареве скрылись дома и люди,
И мир, в котором я жил, расколот,
А другого уже никогда не будет...

* * *

Забываются старые песни,
Тают в прошлом без всяких причин.
И когда-то мы пели вместе,
А теперь в одиночку молчим.

* * *

Блуждая в закоулках шатких истин,
Мы ловим ускользнувший идеал,
Который на дорогах мироздания
Ещё никто не видел, не встречал.

* * *

Уж всё готово к завтрашнему дню,
Который, правда, даже не отмечен.
Но завтрашний восход нам обеспечен,
И тянемся к грядущему огню.

БУТЕРБРИАДА

(Прим.: не путать с «Гаврилиадой».)

1

Бутерброд маслом вниз,
Если ты металлист,
Подними бутерброд и съешь!
Если любишь «металл»,
Не такое едал,
Ты ведь любишь и speed и trash.

Бутерброд! На полу! Маслом вниз!
А оно как горячий металл.
Жуй железо, пока горячо, — наш девиз,
Жуй, пока Modern Talking его не склевал.

2

У нас был бутерброд
Один на всех,
И нам было тепло
От того, что он был,
Но он улетел на северо-юг,

И в комнате стало совсем темно.
Один говорит — он упал маслом вниз,
Другой утверждает, что я его съел.
Но я видел, как он улетел,
Хотя это ничего не меняет.

3

А сторож Сергеев сегодня рад.
Его бутерброд — моему не брат.
Он лежит перед ним, и портвейн на столе,
И Бодхидхарма играет на безногой струне.
Вот новый бутерброд.

4

Случилось так, что бутерброд упал,
А мы и не заметили сначала.
Тех, кто соображал, осталось мало,
Хозяин под столом спокойно спал.

Мы пили целый день за тех, кто в море,
За веру, за надежду, за любовь,
За цель, которая и в радости, и в горе,
За то, что все мы соберёмся вновь.
Но всё-таки чего-то не хватало.

5

Бутерброд, бутерброд, бутерброд, бутерброд,
Он упал из окна и лежал на траве.

Кто влюблён, кто влюблён,
Кто влюблён — подберёт,
Сохранит, чтобы помнить всю жизнь
Обо мне!

СТИХИ ОБ АРМИИ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

* * *

Когда закончится война,
То многие не сразу и заметят,
И мирные настанут времена
Так невзначай, как вырастают дети.

И похоронки прекратят
Потоком скорби изливаться.
Затихнет горе, боль уйдёт.
Домой солдаты возвратятся.

Когда закончится война,
Следы разрухи уберут.
Как ни страшна была она,
Но с верой люди заживут.

ОЧЕВИДЕЦ

Я грелся у огня пожарищ
Войны суровой и пустой,

И был сам дьявол мне товарищ,
И жизнь казалась мне простой.

Летели пули, всё ревело,
И сердце рвалось как куски,
И в крышке дзота мне виднелись
Пустыни вечности пески.

То отступление, то атака —
Смешалось всё во мгле ночной.
И кто-то глупый мне из мрака
Кричал неистово: «Постой!»

Стоять нам некогда, поверьте,
Но оглянитесь вы назад
И, может, где-то в вихре смерти
Найдёте жизненный каскад.

Среди жестокости глумливой
Его нигде я не нашёл.
Быть может, вы меня счастливей,
И, может, мир не так уж зол.

* * *

Занесёт города и завалит сугробами небо,
И обрушится небо, и солнце утонет в снегах,
Неожиданным счастьем покажется
корочка тёплого хлеба
И огонь, тот, что лижет поленья, чудя на верхах.

Когда утро придёт, всё утонет в тумане
и тихо рассеется ночь.
Но вместо стихов пустим в ход
трёхэтажную прозу,
Форсмажор наших будней не в силах
опять превозмочь,
Убеждая себя — отвести ещё можно угрозу.

Но когда я почувствую, как бесконечно жестоко
То всесилье, что видится в сутолоке дня,
Вспомню — вот эта тьма навалилась с юго-востока,
А последний автобус уносит частицу тепла.

* * *

Нам страшно было, трудно было,
Когда нас в бой труба звала
И под воздушною тревогой
Звонила смерть в колокола.

Она звонила непрерывно
И отступала лишь тогда,
Когда мы запевали дружно
О тех, кто молод навсегда.

О тех, кто смело шёл к Берлину,
А вот в земле сырой лежит,
Упрятан в шар земной навечно,
Покой вселенной сторожит.

И значит, мы в два раза больше
Должны за них отвоевать,
Идти, идти, идти всё дальше
И мир от страха защищать.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

Вновь в нашу жизнь врываются дымки,
горячие всполохи,
И заспорил опять с человеком летящий металл.
«Через горы кровавые жизнь,
протащившие волоком»
Не забудут всех тех, кто нашу победу ковал.

Не узнаем (и сердце не дрогнет)
с фронтов о потерях,
Будет счастлив не слышавший стон
упавших солдат.
Только изредка в бурных февральских метелях
За окном промелькнут имена не пришедших назад.

Забываем порою и меряем мирною мерою
Это время, себя, и далёких и близких людей.
Но вернувшись из ада и рая, спасённого верою,
Лицемерие видеть и трусов гораздо трудней.

И пускай повезло тем, кто здесь не бывал
и не пробовал
Раскалённые камни топтать, спотыкаясь о них,

Это то, что нельзя услышать,
Это то, что нельзя узнать,
Это звук едущей крыши,
Которую не удержать.

* * *

1

Не верю в деньги, не верю в чувства,
Не верю в счастье, не верю в боль.
И ни в науку, и ни в искусство
Не верю больше. Ни в жизнь, ни в роль.
В других не верю, в себя тоже,
Не верю в Бога и в чёрта – нет.
Не верю в гибнущую планету,
Не верю в сотни других планет.

И в смерть, как всегда, не верю,
И солнце – глупость, и небо – ложь.
И кто-то стоит, ухмыляясь, за дверью,
Но кто – всё равно не поймёшь.
Глаза солгут сильнее, чем слово,
Не в них я смысл и правду найду,
И всё забуду, и буду снова
Искать, как счастье, свою беду.

2

Я устал от ходьбы по обломкам,
По блестящему тонкому льду,

От намёков безмерно тонких,
От постылого «почему».
Ежедневно искать почву,
Выбиваемую из-под ног,
И себя, и других морочить,
И сбиваться на нудный смех...

* * *

Я просто жил, я просто пел.
Я делал это всерьёз.
Я долго верил в то, что я пел.
Теперь я знаю, что это был
только лишь первый взнос.
Кто сказал тебе, что я не успел?

Кто сказал тебе, что я был прав?
Кто сказал тебе, что я был жив?
Ты прячешь мой слепок в несгораемый шкаф
И изучаешь мои падежи.

Когда мне перекрыли воздух,
я не сразу понял, в чём дело.
Я думал, что дело в том, как дышать.
Когда всё, что было возможно,
до предела осточертело,
Я понял, что я не хочу бежать.

Но кто сказал тебе, что в этом я прав?
Разве есть признаки, что я ещё жив?

Ты прячешь мой слепок в нестгораемый шкаф
И изучаешь мои падежи.

Бесконечность шоссе не внушает веселья.
Те, кто с нами, — те против нас.
Лучше уж я подохну от безденежья и безделья,
Чем буду исполнять себя на заказ.

И по крайней мере в этом я прав.
И есть люди, с которыми я жив.
Так не прячь мой слепок в нестгораемый шкаф.
И не надо изучать мои падежи.

ЧУДАК

А он всё шёл, несмотря ни на что,
Вернее, смотря во все глаза.
А если очень ему не везло,
То он говорил себе: не судьба.

И всё-таки он не свернул назад,
Хотя петляла дорога средь гор,
И верил он в человека, хотя,
Быть может, он не достоин того.

Но он и сам ведь был человек,
И верил он, что чувства живут.
И надеялся, что на земле,
Может, скоро его поймут.

Не понимали. И сам он себя
Всё реже и реже уже понимал:
«Ломал, хлестал, накрывал меня,
Отнюдь не последний девятый вал.

А впрочем, волны не так страшны —
Мёртвая зыбь холоднее их:
Не полетишь по гребню волны,
Не разделишь мир на своих и чужих».

И зыбь окружала не раз его,
И каждый раз он слабел и слабел,
И он решил: «Пора на покой»,
Сказав себе: «Я своё пропел».

Но что-то метнулось в его груди:
Далекий отзвук далёких лет,
Надежд далёких и встреч в пути,
И шёпотом крикнул себе он: «Нет!»

Он шёпотом крикнул, он громче не мог.
И что-то он вспомнил, а что — не знал.
Но только почувствовав эхо дорог,
Он медленно, медленно всё-таки встал.

И он стоял посреди огня,
Того, что сам в себе распалил.
Сам себе бог и сам судья:
Всю жизнь сам себя и бил, и любил.

Он встал и подумал: «Неужто тогда
Всё, что прошёл я, сделал, прожил,
Зовётся словом одним – “не судьба?”.
Но где же судьбу я свою упустил?»

И вдруг на мгновенье, всего на миг,
Иными глазами взглянув вокруг,
Он вдруг заметил и море, и мир
И к миру глазами преник не вдруг.

«Высоты в тумане, молчит строка,
Всё жду чего-то, пора уходить,
А свет рассеянный издалека
Мерцает и просит меня не спешить.

И если мне никогда не встать,
А рассуждать вконец надоест,
Будет ли кто меня вспоминать
Таким, как сейчас я, быть может, есть?

Когда все вопросы не решены,
И не знаю, как их решить,
Когда я в ногах у своей вины,
Боюсь и желаю всё сохранить,

Когда безысходность – самое главное,
А завтра такое же, как и вчера,
Когда утро приходит бездарное
И расплатиться пришла пора.

Когда всё сказано, но не понято,
Когда намечено, но не сделано,
Когда что-то, на слёзы похожее, пролито,
Но землёю не впитано и не молодо-зелено,

В этот час я его не оставлю.
Напоследок же вам скажу:
“Не судьба” означает – дальше
Я счастливую жду судьбу».

Смотрел он вокруг, но быстрее, быстрее
Кружился мыслей летевших крик.
Что видел он за стеной вещей?
Осторожно блистал на лице его блик.

Отражалось тусклое солнце,
Он не видел лица своего,
Он стоял, отворив оконце,
И смотрел, и смотрел в него.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

После того как вы прочитали книгу и уже имеете представление о поэзии Сергея Гончарова, у вас есть возможность ближе познакомиться с личностью автора, с его взглядами на жизнь и на своё место в ней. Ниже привожу несколько высказываний Сергея на разные темы, записанные в дневниках, письмах, сохранившихся в его архиве.

«Когда-нибудь я запишу все свои основные мысли. Они всегда со мной. 2 мая 1983 г.»

«Когда-то я хотел написать такую песню, чтобы, спев её, можно было с полным правом сказать, что своё предназначение в этой жизни выполнил. Похожее чувство возникало, когда я слушал “Времена года” Вивальди. Мне почему-то приходило в голову, что если бы автором был я, причём написал бы за свою жизнь только “Времена года”, то этого было бы достаточно».

«Я хотел, чтобы что-то в природе менялось, когда я играю».

«Вы, которые “всё знают”, “по собственному опыту”, какое вы имеете право мостить нам дорогу по своему далеко непривлекательному пути, обламывать молодые, ещё неукоренившиеся ростки надежды, борьбы, веры в лучшее, заменяя их вашей мудростью, выросшей на обломках ваших собственных надежд (были ли?). Не лишайте нас возможности нашего шанса. И что ж, если мы придём к тому же, к чему пришли Вы, тут уже будет наша вина, но мы будем знать, что мы сделали свою попытку. Да, сидя на земле, не разобьёшься, сложив крылья, не унесёшься в неизвестное с потоком ураганного ветра, но ведь сгнить в этом болоте ничуть не лучше и никогда не поздно».

«С годами отдельные нюансы произведений теряют смысл, и если слово 50 лет назад значило очень многое, то сейчас оно может не значить ничего.

Оно имело привязку к жизни, к царившим в те времена настроениям и теперь потеряло эту привязку. Поэтому зачастую такими блёклыми, неинтересными, топорными кажутся нам произведения прошлых лет (и ещё наивными). Мы как-то не можем себе представить, что раньше люди жили всей полнотой жизни, что мелодии звучали для них так же, как и для нас, и что у них было свое ретро, которое они видели так же фальшиво. В этих мелодиях надо почувствовать силу. Музыка говорит каждому о

своём. Очень часто отношение к человеку, представление о нём трудно выразить словами. Оно выражается фоном. Это понятие трудно объяснить. Это как бы застывшее мысленное изображение его чувственной системы».

«Последние несколько лет меня преследовало (именно преследовало) желание заняться литературным творчеством. Большую роль сыграли желание выговориться, постоянная фиксация сознания на своих ощущениях, честолюбие, стремление понять окружающий и внутренний мир. Сейчас, начиная писать “сочинения”, я сам ещё смутно представляю, к чему это приведёт. Я не знаю, будет ли кто-нибудь когда-либо их читать, и если будет, то с какой целью. Вероятно, эти работы дадут мне возможность развить дар изложения, выработать свой стиль. По крайней мере, в одном я уверен – я буду продолжать писать “сочинения” длительное время, доведу хотя бы часть их до конца».

«Опять я буду долго сидеть перед открытой тетрадью, сжимая ручку, не в силах написать ни слова. Время будет пожирать ещё одну январскую ночь, оставляя всё меньше шансов загнанному мозгу выплеснуть сковавшую его невысказанность. И тогда я решусь: “Пусть. Не важно, о чём это, ничего уже не важно. Главное, нужно уйти от этой мёртвой хватки, можно жить в этих словах, можно делать с ними что

угодно. Нет, даже не это. Можно выйти за пределы того, как я ощущаю себя в ежедневности. Героем рассказанного буду я сам. У этого текста не будет никаких собственных, специально заданных законов, ни заданного способа его написания. Это попытка докопаться до чего-то, определения чему я дать не могу, но что является очень важным для меня. Это разведка боем в мире моих образов, мыслей, языка. Все они вращаются вокруг чего-то более глубинного (не только в эволюционном плане)”.

В последние дни я ощущаю, как все старые ориентиры и начала приходят в движение, трансформируются. Всё чаще крутится фраза из какой-то песни Ю. Наумова “Здесь какой-то разврат и если...” (тут у него идут вариации от куплета к куплету), я ли в том виноват? Нет, стремления оправдаться или найти виноватых нет, но всё острее ощущение, что “что-то здесь не так”, ощущение необходимости разглядеть нечто, скрывающееся до сих пор от меня. Нечто, чего не хватает, чтобы происходящее стало на свои места, обрело смысл. И я буду всматриваться, пока не увижу. Я стану зрением, обонянием, осязанием, слухом... Я буду пить эту отраву, пока не пойму её вкус. Меня не интересуют шансы на успех этого предприятия. “Боже, твоя безнадёжность больше, чем смерть”».

«Не бойся ошибиться и “сделать не так” – это простят, бойся не стремиться честно к “деланью так”».

«В этот день с самого утра солнце светило так, что даже не верилось, что стоит середина января, что до весны ещё мести и мести снегам, а люди ещё не раз будут ёжиться от пробирающего до самых глубин холода и тихо чертыхаться, когда заиндевшая почва будет уходить из-под ног. Даже деревья во дворе подёрнулись какой-то еле заметной зелёной дымкой, тем предчувствием листвы, которое на самом деле появляется где-то в начале апреля. Но нет, это уже совершенно невозможно... Я всё бегаю, разговариваю до отупения, созваниваюсь и встречаюсь, и всё-таки ничего не успеваю. И на каждом шагу нескладуха. Оказывается, жить без будущего совершенно невозможно».

«Попробую в нескольких словах рассказать, какие у меня дела. Я вернулся к себе на Кутузовский проспект. Вот только вид из окна подпортили – Белый дом стоит в каких-то простынях после пожара.

Кажется, здесь я немного более Я, хотя и хорошо бы не зависеть от места и внешних обстоятельств. Сейчас сижу за письменным столом, периодически говоря по телефону или берясь за гитару, и пытаюсь привести мысли в порядок. Скоро Новый год. Первый после конца света, объявленного Белым братством. Что ж, во вселенском масштабе конец света не состоялся, а у меня было нечто похожее. Нет, ничего особенного, просто в какой-то момент, в конце

ноября, многое казалось (и оказалось) себя исчерпавшим. Расстался с компаньоном по фирме, с частью себя. В редких промежутках между работой (иногда круглосуточной) учусь, даже сдаю сессию на факультете культурологии. И пытаюсь уловить смысл происходящего, но ведь уловленный смысл в неволе не живёт, приходится искать новый.

За окном стреляют. Сейчас это не редкость, и если я вышел живым из всех передраг последних месяцев, то только благодаря тому, что Бог хранит. Меня ведь занесло в самую бандитскую область – работа с недвижимостью. Пытаюсь сам при этом не опуститься, а уж как получается – не мне судить. По крайней мере, испытание властью (хоть и совсем маленькой) выдерживаю не всегда. Но ведь я начинал заниматься бизнесом, желая на себе проверить, можно ли совместить внутренний поиск с активной работой, с “материей”».

«Вечность всегда заканчивается слишком быстро. Вот уже только её привкус остался на губах, вот он дразнится уцелевшим зданием СЭВ, в котором теперь расположилась мэрия и “Мост-банк”. А часы на Белом доме не устояли, уступив место корявой золочёной курице, претендующей называться орлом.

Машин стало больше, и даже ночью они не утихают насовсем. Ну да, если уж даже я обзавёлся старой “копейкой” (впрочем, недавно проданной).

...странным сейчас мне представляется то, что кто-то ещё слушает меня, что почти что видимые нити связывают меня с огромным количеством людей и иногда чуть ли не насильно выводят их в поле моих действий. Впрочем, иногда это происходит чрезвычайно изящно, и тогда можно насладиться картиной то ли божественной, то ли...»

Считаю нужным предложить вниманию читателя предисловие к книге Сергея “Два дня до весны”, которая увидела свет в 2007 году, написанное журналистом Яном Шенкманом:

«Я познакомился с Сергеем в 1988 году. Не думаю, что это был какой-то особенный год. И не думаю, что мы были какими-то особенными ребятами. Ходили по Арбату, вечером пели песни на кухне и читали стихи. Пили не очень дорогое вино, ухаживали за девушками и медитировали, сидя на гончаровской крыше. Оттуда был хорошо виден Белый дом, гостиница “Украина”, Кутузовский проспект, мосты... И очень большое небо.

К середине девяностых вся эта беспечная жизнь постепенно приобрела очертания легенды. Духовные поиски, чтение дзенских и православных святых, фанатичное прослушивание песен Гребенщикова — всё это ничем не закончилось и не привело ни к чему. Чудеса обходили нас стороной. Стало казаться, что всё главное, всё лучшее — в прошлом. Типичное романтическое разочарование. Но ведь мы и были

романтиками.

Никто из нас не стал известным поэтом или музыкантом. Не мог и, наверное, в глубине души не хотел. Нужно было что-то другое. Более того, Сергей, в отличие от меня и от моих друзей, даже и не пытался печатать свои стихи. Всё, что сохранилось после его смерти, — многочисленные черновики и любительские записи на кассетах. Никто не думал о вечности. Вполне достаточно было того, что стихи и песни писались. Их слышало человек пятнадцать из ближнего круга, а дальше этого дело не шло.

Я хорошо помню одну из наших записей. Естественно, в квартире у Гончарова. Игорь Ефремов играл на раздолбанной гитаре. На кассете слышно, как плывёт звук. Сергей пел, держа в руках старенький советский микрофон, прикрученный изолентой к школьной линейке. Я бил в пионерский барабан и играл на перкуссии: двух банках из под подсолнечного масла, наполненных какой-то крупой. Играл, разумеется, мимо ритма. Сделали несколько дублей. Послушали “Аквариум”. Альбом “Акустика”, если не ошибаюсь. Сергей показал мне стихотворения Бродского, его уже стали публиковать. Потом на кухне очень долго вели абстрактные, но очень вдохновенные разговоры. И пили спирт, предназначенный для медицинских целей. Записи оказались плохие, а нам было хорошо. И даже спирт казался вкусным напитком.

Теперь я понимаю, что так мучило Сергея всю жизнь. Если в пятнадцать лет слышишь настоящую музыку или читаешь настоящую книгу, отношение к миру формируется совершенно определённым образом. Для человека, озарённого светом подпольного искусства 1980–90-х годов, светом подпольной искренности, подпольной радости и любви, планка поднята очень высоко. Многое вокруг его не устраивает. Почти всё.

Беда в том, что к восемьдесят восьмому году, когда до нас дошёл этот свет, никакого подполья уже не было. Из него, расталкивая друг друга локтями, вылезли на поверхность постаревшие, усталые, глубоко циничные люди. Исполнение чужих желаний у тебя на глазах – картина не для слабонервных. Материализация идеалов – тем более. Мы смотрели на весь этот перестроечный пир духа несколько оторопело. Старая среда, атмосфера, в которой можно было дышать, оказалась безжалостно разрушена, а новой не появилось.

Вокруг Сергея всегда было много людей. Самых разных. Самых непредсказуемых. То ли он их притягивал, то ли они его. Сначала это была компания с радиостанции “Юность”, совет “Ровесников”. Потом музыканты и поэты из рок-кабаре Дидурова. Потом какие-то загадочные маги и колдуны. Потом настало время людей бизнеса. Юристов, бандитов, торговцев недвижимостью и приبلудных авантюристов. Все эти

круги общения наслаивались друг на друга. Совмещались, пересекались. Расходились и снова сходились.

Ещё в конце восьмидесятых Сергей рассказал мне о своей мечте создать группу. Рок-группу, конечно, а не группу детского сада. Это был бы очень странный ансамбль. Чтобы войти в него, вовсе необязательно было играть на каких-либо музыкальных инструментах. Группа представлялась Сергею своего рода крепостью, защитой от реальности, от чужих. Замкнутым миром, где все любят и понимают друг друга. Тогда, в восьмидесятых, не удалось. Но он пытался ещё и ещё. Я очень удивился, когда Сергей занялся бизнесом. Такой тонкий, интеллигентный человек, и вдруг.. А ведь цель была той же. Какая разница, группа или фирма? Разве дело в словах? Разве люди занимаются бизнесом ради прибыли?

Люди. Очень много людей. Несколько десятков исписанных записных книжек. Но есть такие сферы жизни, где человек заведомо одинок. Никто не поможет любить и быть любимым. Никто не расскажет, в чём смысл твоей, именно твоей жизни. Никто не напишет за тебя твои стихи и не споёт твои песни. За пару месяцев до его смерти мы придумали с Сергеем такую метафору. Приходит человек в большой-большой магазин. Чувствует необходимость что-то приобрести. А что именно – сам не знает. Но если увидит, то обязательно поймёт: вот оно, то, что

мне было нужно! И начинает в задумчивости брать с витрины товары. Возьмёт один, посмотрит и положит на место. Возьмёт другой – нет, снова не то.

Так и жил Гончаров. Он очень многое успевал, многим помог. В том числе и мне. А вот ему помочь было практически невозможно. Ни тогда, когда он болел, ни тогда, когда срывался, уставал от людей и начинал по-чёрному тосковать. Почти ничего из начатого Сергей закончить не мог. Это касается и творческих проектов, и деловых. И личной жизни, и поисков того самого пресловутого смысла. Он знал это и от этого тосковал ещё безнадежней. Не припомню, чтобы видел его в состоянии умиротворения и самодовольства. Восхищался знакомыми, женщинами, музыкой и поездками по стране. А собой был хронически недоволен.

В частотном словаре песен Гребенщикова на одном из первых мест стоит загадочное выражение “что-то ещё”. Это что-то искал Гончаров всю жизнь. Искал и не находил.

Никогда не думал, что придётся вот так сводить дебет с кредитом его жизни. Пока человек живой, это непредставимо. А сейчас его нет, но осталось много друзей. И остались стихи, собранные в этой книге. Если вдуматься, не так уж и мало».

От себя добавлю, Сергей прожил довольно насыщенную различными событиями жизнь, которую

он отображал в своём творчестве. Можно подумать, что действительно как-то мистически повлиял на неё бой часов на Киевском вокзале, описанный в наброске его рассказа, которым я хочу закончить своё “Послесловие”: «Студент одного из московских вузов Сергей стал бы утверждать, что события начались несколькими часами раньше с тринадцатого удара часов на башне Киевского вокзала. Сергей объяснил бы, что удар этот последовал после двенадцати, означавших полночь, и был для него полной неожиданностью...

Автору нечего скрывать от вас, и вам никого не придётся расспрашивать. Да, тринадцатый удар вокзальных часов был. Было ещё много чего, но всему своё время.

Небо светлело. Бесшумные ветры гнали по нему пелену туч. Даже городской гул почти стих и спокойствие окаймлённой гранитом реки нарушали лишь редкие отголоски сил, бушевавших где-то сверху. Иногда в просветах можно было заметить тусклую звезду. Казалось, неуютно, зябко чувствовала она себя, с трудом пробившись сквозь почти что белую ночь. Но отступить было некуда, и далёкое, для кого-то тёплое солнце вливало свой свет в только намечавшуюся зарю.

Порядком уставший, да к тому же и замёрзший, Сергей повернул в сторону дома. Через несколько минут он лежал на кухне, на кушетке, уткнувшись головой в подушку. Прошло два с небольшим часа, и

розовая пелена на востоке была прорвана первым лучом нашего благословенного светила. Облака загорелись, от них вскоре занялись стёкла домов, и звёздочка окончательно стушеввалась, погасла. Кончалась майская ночь».

Звезда Сергея погасла 21 мая 2005 года.

Лев Гончаров

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Сорокин	
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
«Входи, смотри: здесь жил я...»	5
«Мне мерили жизнь строчки...»	6
ПОСЛЕ ВЫПУСКНОГО	7
«Ливень отменяется на время...»	7
УРОКИ ИСТОРИИ	8
«В начале пути дорога как бы прямой...»	10
«Нас ждут этажом выше!»	10
«Я не хочу быть таким, как вы...»	11
«Уже весна ворвалась в города...»	12
«Мне снятся чужие лица любимых...»	13
«Я приглашаю Вас на бал...»	14
ПОД ВИВАЛЬДИ	15
«Пыль на дороге взметут...»	16
«А знаешь, я всё-таки верю...»	17
«Мороз, река и жёлтые огни...»	17
«И снова совесть в меньшинстве...»	18
«Пусть думает каждый...»	18
ГЛОТАЯ ТЕЛЕГРАММУ	19
«Прости, не хочу уходить...»	19
МОЙ МИР	21
«Достану из шкапа лоскут потускневший...»	22
«Ты снова поёшь под гитару...»	23

«За серую шинелью...»	24
«Да, конечно же, жизнь продолжается...»	25
«Приговор готов – подписать и в дело...»	26
МАРШ БЕЗРАЗЛИЧНЫХ	27
«Ты верил, а во что...»	28
«Снова ночь. Проходит всё...»	28
«Месяц в небе замочной скважиной...»	29
«Медленно, медленно, по нарастающей...»	30
«На запасных путях стоит вагон...»	31
«Живые! Что можете вы мне сказать?..»	32
«Тебе не о чем больше петь...»	32
«Откровения стали почти как порнуха продажны...»	33
«Когда мне больше нечего сказать...»	34
«Предрассветность небес как сигнал...»	35
«Старая, заброшенная гавань...»	36
«Нет, эпитафий не поют...»	37
«Когда потоки ливней грозových...»	37
«А в Москве незаметное лето...»	38
«Бывает так, что в небе гаснут звёзды...»	39
«В который раз огонь погас...»	40
«Пускай пусты карманы...»	41
«Четвёртые сутки пылают станицы...»	43
ДОРОГА С МОРЯ	44
СТАРАЯ КИНОПЛЁНКА	45
«Снова дождь. Уберите всех!..»	46
«Зачем я собираю эти камни...»	46
«Я встретил Вас с четвертого захода...»	47
«Не здесь и не сейчас...»	47

«Мы рвёмся всё к масштабам межпланетным...»	48
ЮЖНЫЙ КРЕСТ	49
СОН В КАЩЕНКО	50
«Что один, что другой...»	52
«Вот живёшь ты ушами к стенке...»	53
«По пути простоты и молчанья...»	54
«Я хочу быть не громче дождя...»	54
«Среди споров не о предмете спора...»	55
«Здесь правильность невидимых рядов...»	56
«Коридоры и лестницы, коридоры и лестницы...»	56
«Когда открылась пивная...»	57
«Нет, мне уже не спеть...»	58
«Нам скучен рай, нам страшен ад...»	59
«Те, кто ничего не имея...»	59
«По мне дешёвая и быстрая любовь...»	60
«Самоуверенность ошибки...»	61
«Первое дыхание весны...»	62
«Совковый герой перестроечных пьес...»	63
«Я не знаю тебя в лицо...»	64
«Я двигаюсь медленно, рассекая...»	65
«Машина времени летит...»	65
МГНОВЕНИЯ ИСТИНЫ	66
«Обломки недописанных стихов...»	67
«Сколько помню, на меня всё кто-то ставил...»	68
«Скажи, скажи, ты можешь жить спокойно...»	69

«Бесконечно далёкие листья...»	70
«В этой зиме и весна – только оттепель...»	71
«Мир устал от дурных пророчеств...»	71
«Господи! Спаси душу мою!..»	72
«Возьми моё время...»	73
«Я устал от вечных похорон...»	74
«Нас расстреляли на рассвете...»	74
«Опять в опрокинутом небе...»	75
«Время пройдёт, и мы поймём...»	75
ПОСВЯЩАЕТСЯ КОЛЛЕГЕ	
ПО НЕСЧАСТЬЮ	76
«У каждого свой последний приют...»	77
«После сказанных слов мне уже не свернуть...»	78
«Ветер вольный, сны мои мятежные...»	79
«Куда меня, соломинка, ведёшь?»	80
«Вопросы вечные: “Зачем и почему?”»	81
«Горькое похмелье...»	81
«Прости меня, мой друг...»	82
ПОСЛЕ МЕНЯ	83
НЕПОКОРЁННАЯ ВЕРШИНА	84
«Нет, моей земли здесь больше нет...»	84
«Уходя от тебя туда, где пространства нет...»	85
«Итак, я пишу последнюю песню тебе...»	86
«Итак, мы рванули вверх...»	87
«Мне не надо больше того...»	88
МЕЧТА О ПУТИ К МАСТЕРУ	89
«Иней давно под ногами не тает...»	90
«Мне не выйти из этого круга...»	91

«Мне нужен свет...»	92
«Года пройдут, как те, что были перед ними...»	93
«Кончились ноты, их было всего только семь...»	94
«Летающим в лёт, плывущим вплавь...»	94
«Я долго маялся: “Зачем я здесь?!”»	95
«Нас вдалбливала жизнь в параграфы и классы...»	96
РЕКВИЕМ ПО «МЕТАЛЛУ»	96
«Зажги свечу, смотри, как тает воск...»	97
«Зимнее море, холодный песок...»	98
ВСЁ, КАК ТОГДА	99
«Что я делаю здесь сейчас?»	100
«Как хорошо, что здесь нет тебя...»	103
«Я хотел бы сойти на забытом перроне...»	103
«В эту ночь можно всё...»	104
КОНЧИЛОСЬ ШАМΠΑНСКОЕ	105
«Не задавай вопрос: “Откуда?”...»	106
«А я его пожалел тогда...»	107
Я СЕГОДНЯ ГОСТЕЙ НЕ ЖДУ	108
ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ПЕСНЯ	108
НАМ ДЕНЬ ПОСЛАЛ ПРЕКРАСНУЮ ЗАРЮ	109
ЗАЧЕМ ЖЕ В ДРАКУ ЛЕЗ?	110
ОТ СЛОВА К СЛОВУ	112
Я ЗДЕСЬ ЖИВУ	113
«Серьёзные люди утром бегут по улицам...»	114

«Погасшие звёзды второй раз не светят...»	115
МЫ ЧУТОЧКУ ЛУЧШЕ	116
«Моей душе спасенья нет...»	117
«Удар, удар – судьбы перегар...»	118
НОЧНАЯ МОСКВА	119
Я ПОМОЛЮСЬ О НАС	121
СОСТЯЗАНИЕ В СПЛЕТЕНИИ ФРАЗ	121
ПРОШУ НЕМНОГОГО	122
НИЧЕГО ДЛЯ ТЕБЯ	123
«Открылась дверь, и появился кто-то...»	124
НАМ ОБЕЩАЛИ	125
«Все улетают самолёты...»	125
СКАЖИ МНЕ, МОЖЕТ ТЫ С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ?	126
«Кружащиеся хлопья врываются...»	127
«Снег – как во сне...»	128
«Снега, сошедшие с небес...»	129
«Боль отойдёт когда-нибудь...»	129
«Два дня до весны...»	130
«По улицам, по улицам, по узким переулкам...»	131
«Где-то я слышал уже эти звуки...»	132
КОМУ НЕТ СМЫСЛА ВО ВРАЩЕНИИ ЗЕМЛИ	133
«Доброе утро всем, кто проснулся, всем...»	133
«Всё меньше дней, всё выше плата...»	134
«Налейте мне отравленного яда...»	135

«Милая, мы проходим бесследно...»	136
«Этот метод жить состоит из фраз...»	136
«Мы становимся мифом, прозрачной тенью имён...»	137
«Я пишу эти письма вовсе не для того...»	138
«Время как воздух...»	138
«Смущённый ангел в носках стоит у порога...»	140
«Круг завершается в сущности...»	141
«Уже рассвет, и поздно умирать...»	143
«Люди проходят, как сновидения...»	144
«Можно быть и не быть...»	144
«В реанимации стерильность и холод...»	145
«Поле твоё не пахано...»	146
«Чистый свет струится с потолка...»	146
«И ничего не осталось...»	147
«Мне скучно и пустынно в этом мире...»	149
«В тихой комнате с видом на зимнюю ночь...»	149
«За горизонтом, которого, в сущности, нет...»	150
«Ты гадала на бычьей лопатке...»	152
«Над всей Испанией безоблачное небо...»	154
НАДЕЖДА	154
«Я разбросан по этим дворам...»	155
«Нет, не зря я вспомнил то, что было там...»	155
ИСПОВЕДЬ В КУРИЛКЕ	156

ПЬЕРО И МАЛЬВИНА	
ИЗ СПАЛЬНОГО РАЙОНА	157
«В асфальтовом раю...»	158
ШАХТЁРСКИЙ СЕВЕР	159
ОТ НАС ТАКОЙ ГУЛ СТОИТ	160
«Не дари мне надежду, она убивает последней...»	161
РАЗГОВОР С ДЕМОКРАТОМ	161
БЕСКОНЕЧНАЯ СТЕНА	164
«Хорошо бы успеть до заката...»	166
НОЧНОЕ РАДИО	166
«Гитаристы, гитаристы...»	167
ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА	168
СОН: «ДЕМОКРАТЫ СМЫЛИСЬ, СЛЕДЫ ОСТАЛИСЬ»	169
ПЕСЕННО-ЕСЕНИНСКОЕ	170
У МЕНЯ ЕСТЬ ШАНС	171
ТЫ ОСТАЁШЬСЯ ОДИН	171
«В поезде несколько человек...»	173
«Вы пугали меня завтрашним днём...»	174
«Когда всё кончено...»	174
ГУЛЯЙ НАПРОПОЛЮЮ	175
«Где вы, рок-мальчики 70-х годов?...»	175
«С утра была весна, а к ночи осень...»	177
«Догорают оплывшие свечи...»	177
ЗА ВСЕХ	177
«Это не горы взметнулись к закату...»	178
«Мы все учились читать подтексты...»	179

«Мы дети кошмарных снов, которые были явью...»	179
«Кто здесь мёртв, кто здесь жив – я понять не могу...»	180
СВОБОДА – ЭТО РАЙ	180
«Я прожил столько жизней...»	181
«Ох, сильна ты, видать...»	182
«Человек, улыбнись, не бойся...»	183
«Ближе к осени...»	184
«Я иду по дорогам изъезженным...»	184
НАМ ЛУЧШЕ ЖИТЬ	185
«Мы живём в городах, построенных не для нас...»	187
ВЫ ЕЩЁ НУЖНЫ ЗДЕСЬ, МАЯКОВСКИЙ	188
«В этом мире продувные ветра...»	189
ВЫСОЦКОМУ	189
САШЕ ЧЁРНОМУ	190
ДОМ ЕЩЁ СТОИТ	192
ПОСВЯЩЕНИЕ ГИТАРЕ	192
ТЫ МЕНЯ НЕ ЖДИ	194
НОВЫЕ ПЕСНИ ИНТЕРЕСНЕЙ	195
«И вроде бы всего – ну несколько часов...»	196
«Ты пишешь мне: “Идут дожди” ...»	197
«Когда поезд врзается в ночь...»	199

«В кубометре пространства затихла ночь...»	199
«Город вечный...»	200
«Очнулся в России...»	201
«Пустеют классы и коридоры...»	201
Мечта	202

КРАТКОСТИШЬЯ	202
--------------------	-----

БУТЕРБРИАДА:

1. «Бутерброд маслом вниз...»	208
2. «У нас был бутерброд...»	208
3. «А сторож Сергеев сегодня рад...»	209
4. «Случилось так, что бутерброд упал...»	209
5. «Бутерброд, бутерброд, бутерброд, бутерброд...»	209

СТИХИ ОБ АРМИИ, ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

«Когда закончится война...»	210
ОЧЕВИДЕЦ	210
«Занесёт города и завалит сугробами небо...»	211
«Кто виноват, что ты упал...»	212
НАРЯД В АВТОПАРКЕ	213

«Нам страшно было, трудно было...»	214
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ	215

ЭПИЛОГ

«Холодно, дождь...»	216
«Неровный шаг. Что-то не так...»	217
«За два дня до конца света...»	217
1. «Не верю в деньги, не верю в чувства...»	218
2. «Я устал от ходьбы по обломкам...»	218
«Я просто жил, я просто пел...»	219
ЧУДАК	220

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Лев Гончаров	224
---------------------------------	-----

Сергей Львович Гончаров

Входи, смотри...

стихи

Составитель Л. И. Гончаров

Вступление А. Е. Сорокин

Редактор А. Е. Сорокин

Послесловие Л. И. Гончаров

Подп. в печать 29.10.2008 г. Формат 70x100 ¹/₃₂

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonС. Печ. л. 7,75.

Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»

119146 Москва, Комсомольский пр-т, 13

тел./факс: 246-58-43; e-mail: ano-rospisatel@mtu-net.ru;

www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ГУП «Клинцовская городская типография».

243140, Брянская обл., г. Клинцы,

пер. Богунского полка, 4а.

тел.: (48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.